Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)

№ 232 (6838) | 23 августа 1936 г., воскресенье | ЦЕНА 10 КОП.

Вчера на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра с обвинительной речью выступил прокурор СССР тов. А. Вышинский. — Взбесившихся собак надо расстрелять, — таково требование прокурора. Миллионы трудящихся, бесконечно преданные партии Ленина—Сталина, настаивают на расстреле банды уголовных убийц, шпионов, агентов Гестапо.

Взбесившихся собак надо расстрелять!

Суд над участниками троцкистско-зиновьевской террористической банды подходит к концу. Вчера на суде с блестящей речью выступил государственный обвинитель, прокурор Союза ССР тов. Вышинский. Эта речь подвела итоги судебному следствию, на котором внимательно были рассмотрены и проверены все пункты обвинительного заключения. Врагу податься некуда, он пригвожден к позорному столбу! На чашу весов одно за другим ложились кошмарные преступления, свершенные троцкистско-зиновьевской террористической бандой по указке Троцкого и германской фашистской охранки. Пролит яркий свет на грязное и кровавое дело. Враг не уйдет от ответственности, настал час расплаты.

Доказано, — и это признали подсудимые, — что в период 1932—1936 гг. в Москве организовался и действовал троцкистско-зиновьевский террористический центр, поставивший своей задачей в целях захвата власти совершение ряда подлых убийств руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Доказано, — и это признали подсудимые, — что троцкистско-зиновьевским центром был организован ряд террористических групп и были подготовлены практические мероприятия по убийству тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Жданова, Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Доказано, — и это признали подсудимые, — что одной из этих террористических групп, действовавших по прямым указаниям Зиновьева и Троцкого, было осуществлено 1 декабря 1934 года злодейское убийство тов. С. М. Кирова.

Враг пойман с поличным. Подсудимые — жалкая кучка обанкротившихся политических авантюристов, шайка воров и убийц — вынуждены были признать, что улики и факты бесспорны, анализ и выводы прокурора правильны.

Суд над троцкистско-зиновьевской бандой не политический процесс. На скамье подсудимых — самые от'явленные уголовные преступники, цвет троцкистско-зиновьевской «малины». Уже один тот факт, что эти молодчики крали для своих гнусных целей народные деньги, забирались руками Аркусов в государственный карман, лучше всего характеризует «политическое» лицо Зиновьева, Каменева и их компании. Эта компания хотела пробраться к власти через горы трупов, на крови и слезах народных хотела утвердить свое благополучие.

Государственный обвинитель в своей речи правильно и исчерпывающе определил внутреннюю и внешнюю «программу» троцкистско-зиновьевского центра. Внутренняя политика определяется одним словом: убить. Убить Сталина, убить Ворошилова, Кагановича, Кирова, Жданова, Орджоникидзе, Косиора, Постышева, лишь бы упиться властью, лишь бы возвыситься над массами. Разве за этой «программой» не прячется отвратительное свиное рыло фашизма, разве не отдает от всего этого тленом и разложением?!

Еще более позорна внешняя «программа» троцкистско-зиновьевского центра. Пораженчество — вот как называется эта «программа». Это значит, что в случае войны троцкисты и зиновьевцы делали бы ставку на поражение Красной Армии, на разгром нашей страны интервентами. На суде подсудимый Рейнгольд сообщил о той позиции, которую занимал Зиновьев в этом вопросе. В 1931 году, когда на Дальнем Востоке нависла угроза войны, Зиновьев в разговоре с Рейнгольдом заявил, что они стоят на троцкистской позиции поражения, что надо свергнуть руководство партии и правительства, «хотя бы ценой потери куска на Дальнем Востоке».

Вот как выглядят эти «защитники» интересов трудящихся. Они готовы были разорвать на клочки нашу страну, нашу прекрасную родину только для того, чтобы захватить власть в свои руки. Они готовы были ради этой цели пойти и действительно шли на союз с кем угодно — фашистской охранкой, ворами, уголовниками любой масти. Именно этим об'ясняется такая тесная дружба троцкистско-зиновьевского центра с Гестапо, такое тесное единение с провокаторами и охранниками всего мира.

Несложны и методы убийц. Двурушничество и маскировка были провозглашены священными принципами их тактической деятельности. Много раз они обманывали партию и правительство, много раз ползали на коленях и вымаливали себе прощение, произносили зажигательные речи и писали длиннейшие статьи в защиту генеральной линии. Но все это было сплошным обманом и жульничеством. Чемодан Гольцмана с потайным дном, шифр на страницах «1001 ночи», явки на конспиративные квартиры, таинственные свидания с Седовым и Троцким в Берлине и Копенгагене, пристрелка револьверов для совершения убийств — такова оборотная сторона их признаний и раскаяний.

Тов. Вышинский, говоря о политическом и моральном облике подсудимых, назвал их взбесившимися собаками. Это определение абсолютно правильно. Взбесившихся собак немедленно уничтожают, — таково правило общежития. Они не должны отравлять воздух своим смрадным дыханием, намордником не ограничишь их ярость и не уменьшишь вред. Ядовитая слюна опасна для жизни нормальных людей. Поскорее убрать этих собак, этих бешеных псов — вот воля и требование советского народа.

Волны народного гнева нарастают с каждой минутой, с каждым часом. Со всех сторон в Москву несется поток гневных резолюций, настойчивых требований трудящихся — расстрелять проклятых убийц. Страна переживает дни всенародного гнева. Советский народ железной стеной сплочен вокруг своего великого вождя — товарища Сталина, вокруг сталинского Центрального Комитета и правительства.

— Жизнь Сталина принадлежит народу. Сталин — наш вождь, наше солнце, наша радость, наше счастье. Те, кто подымает руку на наших вождей, должны немедленно уничтожаться. Расстрелять всех до одного участников троцкистско-зиновьевского террористического центра! — таково единодушное требование миллионов трудящихся, таков приговор народа.

Голос народа служит грозным предостережением всей той сволочи, которая еще мечтает или захочет мечтать о захвате власти. Она забывает, что имеет дело с советской страной, где вопрос о власти решается не закулисными махинациями, а всем народом. Вождей выдвигает народ, их жизнь принадлежит народу, они не имеют других целей и задач, как счастье и процветание нашей родины. Горе тому, кто подымет руку на жизнь наших вождей! Советский народ в одно мгновение раздавит такую гадину!

Бдительность, недремлющая большевистская бдительность, умение распознавать врага, как бы он ни маскировался, — вот что требуется от каждого советского гражданина и в первую очередь от коммуниста. Судебный процесс, о котором идет речь, учит многому. В силе остаются предупреждения товарища Сталина, что еще могут ожить и зашевелиться остатки разгромленных капиталистических классов, остатки контрреволюционных групп троцкистов и правых. Надо быть на-чеку и порох держать сухим.

Что же касается изловленных и уличенных врагов, сидящих сейчас на скамье подсудимых, то вывод здесь один:

— Взбесившихся собак надо расстрелять!

МОСКОВСКИЙ ПАРТИЙНЫЙ АКТИВ — *великому вождю коммунизма, любимому другу, отцу и учителю трудового народа*

товарищу Сталину!

Родной наш Иосиф Виссарионович!

Актив московской партийной организации от лица всех большевиков Москвы и Московской области выражает тебе — вдохновителю, организатору и творцу победившего в нашей стране социализма — свою безграничную любовь, беззаветную преданность и готовность до последней капли крови бороться под твоим, товарищ Сталин, руководством за великое дело коммунизма.

Весь наш народ об'ят могучим гневом и грозной ненавистью против изобличенных пролетарской диктатурой злейших врагов революции, самых яростных и подлых буржуазных реставраторов, самых врачных иезуитов, фашистов-палачей — Троцкого, Зиновьева, Каменева и всей их гнусной банды.

Разгромленные партией и рабочим классом, потерпевшие полное политическое и идейное банкротство, не имеющие никакой опоры в стране, троцкисты и зиновьевцы, эти жалкие авантюристы, от'явленные профессионалы лжи, двурушничества и провокации, руководимые буржуазной нечистью и продажной тварью — Троцким, перешли к подлейшему средству в своей борьбе против партии — к террору.

Организуя врагов рабочего класса — шпионов, диверсантов, провокаторов, всех, кому ненавистно дело социализма, сомкнувшись с фашистскими охранниками, они злодейски убили одного из лучших сынов нашей партии, твоего верного соратника и друга Сергея Мироновича Кирова. Они тянули нити этого кровавого заговора и направляли удар в сердце революции, в тебя, наш родной Сталин, и в твоих ближайших учеников.

Проклятые фашистские выродки! Они подняли руку на того, чье имя с гордостью и беспредельной любовью произносят каждодневно, ежечасно миллионы и миллионы тружеников всего мира. Они подняли руку на того, кто в борьбе с контрреволюционными троцкистами, зиновьевцами, правыми оппортунистами, в борьбе со всеми врагами партии отстоял и укрепил единство большевистских рядов, сплотил могучую партию Ленина—Сталина, обогатил и поднял на новую высоту великое учение Маркса—Энгельса—Ленина.

Жалкие пигмеи! Они подняли руку на величайшего из людей, под чьим руководством наша страна впервые в истории человечества построила на одной шестой земного шара могучее здание социализма, создала радостную, прекрасную жизнь, подняла к творческой работе широчайшие пласты героического советского народа.

Презренные убийцы — Троцкий, Зиновьев, Каменев и вся их гнусная банда — просчитались. Железная рука пролетарской диктатуры настигла трижды проклятых извергов, разрубила их заговор и пригвоздила эту шайку фашистских бандитов к позорному столбу. Эти бандиты должны быть физически уничтожены, должны быть расстреляны.

Собрание актива с полным удовлетворением одобряет решение Прокуратуры о строжайшем расследовании связей Томского, Рыкова, Бухарина, Радека, Пятакова, Угланова и др. с троцкистско-зиновьевским центром.

Актив московской организации уверен, что все причастные к контрреволюционной работе троцкистско-зиновьевского центра понесут строжайшую ответственность перед партией и судом пролетарской диктатуры.

Наш близкий друг, наш мудрый вождь товарищ Сталин! С твоим именем неразрывно связана победоносная борьба нашей партии за социализм. Выкованная и воспитанная гением Ленина—Сталина, партия победно провела наш народ через годы тяжелой реакции, великие дни Октября, гражданскую войну. Вдохновляемая и руководимая тобою, наша партия преодолела огромные трудности восстановительного и реконструктивного периода, привела страну к величайшим победам социализма.

Ты, товарищ Сталин, высоко поднял над всем миром и несешь вперед и вперед великое знамя Маркса—Ленина. Под этим знаменем многомиллионные массы трудящегося человечества идут к победоносной коммунистической революции во всем мире.

Вот почему имя — **Сталин** — живет в сердцах миллионов нашей страны, как надежда, как радость настоящего, как прекрасное будущее всего человечества.

Сегодня вся партия, вся страна еще ярче и острее понимают мудрость твоих постоянных указаний о необходимости усиления революционной бдительности. Враги разгромлены в открытом бою, но их злобные подонки горят ненавистью к великому делу нашей партии, к нашим руководителям, ко всей нашей великой социалистической стране. Нет пакости, на которую они бы не были способны. Не успокаиваться на успехах, не зазнаваться, уметь во-время распознать и разоблачить врага, быть еще более бдительным во всей своей повседневной работе — это твое указание есть закон для каждого большевика.

Мы заверяем тебя, товарищ Сталин, что московская большевистская организация — верная опора Сталинского Центрального Комитета — еще выше поднимет сталинскую бдительность, выкорчует без пощады остатки троцкистско-зиновьевских контрреволюционных последышей, еще сильнее сплотит ряды партийных и непартийных большевиков вокруг Сталинского Центрального Комитета и великого Сталина.

Железной стеной наша партия и вся советская страна окружают своего великого вождя товарища Сталина.

Желаем тебе, товарищ Сталин, долгих лет жизни на радость и счастье всему трудящемуся человечеству!

Веди нас вперед и вперед к полной победе коммунизма!

Да здравствует наша могучая, непобедимая партия Ленина—Сталина!

Да здравствует наш вождь, дорогой и любимый Сталин!

Смерть убийцам Кирова!

Расследовать связь Бухарина, Рыкова, Радека, Пятакова с троцкистско-зиновьевской бандой

ОБРАЩЕНИЕ РАБОЧИХ ЛЕНИНГРАДСКОГО ЗАВОДА «ЭЛЕКТРОСИЛА» им. С. М. КИРОВА КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Товарищи!

Железной рукой пролетарской диктатуры схвачена и посажена на скамью подсудимых контрреволюционная троцкистско-зиновьевская террористическая шайка. Обанкротившиеся и изолгавшиеся, продавшиеся фашистской охранке убийцы, изменники, провокаторы держат ответ за свое гнусное, чудовищное злодеяние перед народом, перед родиной.

В эти дни великого народного гнева мы снова и снова обращаемся к светлой памяти нашего незабвенного, любимого Сергея Мироновича Кирова, вечно живого и не умирающего в величии своих дел и подвигов. Он, наш родной, наш близкий друг, руководитель и учитель, пал на боевом посту, скошенный пулей презренного зиновьевского бандита. Неимоверно огромна была горечь утраты. В глубокой скорби, вместе со всей страной и великим Сталиным, мы провожали в последний путь нашего Мироныча. И каждый из нас давал священную клятву над его гробом — довести то дело, которому отдал свою солнечную жизнь наш Мироныч, до полной победы.

Стиснув зубы и сжав кулаки, мы еще теснее сомкнулись вокруг сталинской партии и родного Сталина.

С именем Кирова на устах, с образом его, глубоко запечатленным в сердце каждого, мы встали к станкам и машинам в наших цехах, в которых часто бывал Сергей Мироныч.

Наш завод был крепко связан с Кировым, и каждый из нас гордится тем, что он работает на заводе, носящем его славное имя. Наши старые рабочие прекрасно помнят первый приезд Сергея Мироныча. Простым, но пламенным словом он зажигал нас и звал в бой против гнусной зиновьевской своры, окопавшейся тогда в Ленинграде. Словно тяжелым молотом обрушивался Сергей Мироныч на презренных троцкистов и зиновьевцев. Его пламенное слово доходило до каждого рабочего сердца. И пролетарии города Ленина любили Кирова тепло, искренне и нежно, как любит мать сына, как любят бойцы отважного и храброго командира, строгого и неумолимого в бою, родного и близкого в часы привала.

Сколько раз мы встречали его у себя на «Электросиле» как дорогого гостя, как лучшего советчика, как верного друга. Он приезжал к нам в дни, когда завод находился в прорыве, помогая отстававшим, ободряя нас всех своей замечательной сталинской бодростью, своей глубокой большевистской человечностью, своей беспредельной верой в победу нашего дела.

И едва по цехам разносилась весть, что приехал Киров, как все мы словно вырастали, чувствовали прилив новых сил и готовы были ворочать горы.

Вместе с нами праздновал Мироныч пуск нашего любимого детища — турбокорпуса. Это был большой праздник завода, большая наша победа, кровно связанная с именем Кирова, как и все наши успехи.

Словно живой, у главного входа в завод стоит бюст Кирова. И кажется, вот-вот он улыбнется, протянет руку и скажет несколько простых, доходчивых, пламенных кировских слов. Но Кирова нет. Свора проклятых убийц оборвала его прекрасную жизнь. Припертые к стене всем народом, они сейчас на суде развертывают грязную картину подготовки убийства, чудовищного обмана, неслыханного двурушничества, провокаций и шпионажа.

Наймиты фашистской охранки — им нет названия людей, они хуже гадов.

«Противник наш знает и чувствует, — говорил Сергей Миронович, — что он должен погибнуть, но ему умирать не хочется, и он собирает силы для последней борьбы на краю своей могилы».

Смрадом и тленом веет от фашистских бандитов Троцкого, Зиновьева, Каменева и их друзей. Эти изверги, потерявшие всякое подобие человеческого облика, пытались посягнуть на жизнь нашего отца, учителя и друга, великого полководца всех угнетенных — нашего родного Сталина.

Эти изверги и бандиты пытались поднять свои кровавые лапы на верных соратников великого Сталина, на лучших людей народа — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора, Постышева и на нашего любимого, боевого руководителя Андрея Александровича Жданова.

Нет снисхождения бандитам, убившим нашего Мироныча. Нет им пощады. Мы требуем расстрела участников троцкистско-зиновьевской банды. Смерть убийцам, смерть кровожадным фашистским псам! — такова единодушная наша воля, воля всего народа.

Мы требуем до конца распутать клубок преступлений против нашей партии, нашей страны; мы требуем до конца проверить и выяснить причастность к чудовищному террористическому заговору Сокольникова, Серебрякова, Радека, Пятакова и вожаков правых уклонистов Томского, Рыкова, Бухарина и Угланова. Раз и навсегда покончим со всякой нечистью. Положим конец посягательствам на счастье нашей родины, на любимых наших вождей.

Товарищи! Будем зорко следить за каждым происком врага. Утроим, удесятерим нашу бдительность. Вместе с нашими славными чекистами будем все неустанно нести почетную революционную вахту.

Под руководством своей большевистской организации, во главе со своим боевым руководителем тов. Ждановым ленинградские пролетарии были и будут верным, неустрашимым оплотом ленинско-сталинской партии, ее Центрального Комитета и великого Сталина, ведущих нас от победы к победе, к радостной, счастливой жизни.

Станем все, от мала до велика, непроницаемой для врагов живой стеной вокруг нашего Сталина и его славных соратников.

Пусть живет и долгие годы здравствует на страх врагам рабочего класса, на счастье всего трудящегося человечества наш отец, наш вождь, наш друг Иосиф Виссарионович Сталин!

Принято на собраниях рабочих и инженерно-технических работников всех цехов и отделений 22 августа.

Передано из Ленинграда по телефону.

РАСПУТАТЬ ДО КОНЦА КЛУБОК ЗЛОДЕЯНИЙ

Электрокомбинат имени Куйбышева, Москва

22 августа в цехах и мастерских заводов Электрокомбината имени Куйбышева состоялись собрания и митинги, посвященные судебному процессу над троцкистско-зиновьевской террористической бандой.

Сообщение прокурора Союза ССР тов. Вышинского о начале расследования заявлений обвиняемых в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека и Пятакова встречено с большим одобрением.

— Клубок должен быть распутан до конца. Всех, кто был связан с Троцким, Зиновьевым, Каменевым и их сворой, нужно посадить на скамью подсудимых, — так говорили рабочие на собраниях и митингах.

Все выступавшие единодушно требовали одного:

— Суд должен вынести решение — расстрелять троцкистско-зиновьевских бандитов! Стереть с лица земли гнусных агентов Гестапо!

ТРЕБОВАНИЕ КОЛХОЗНИКОВ

СТАЛИНГРАД, 22 августа. (Корр. «Правды»). В открытом поле, после работы, собрались колхозники сельхозартели «Колхозная Ахтуба» на митинг, чтобы обсудить обвинительное заключение по делу контрреволюционной троцкистско-зиновьевской шайки.

Митинг единогласно принял резолюцию, в которой говорится:

«Сталин вывел нас из вечной нищеты на дорогу радости и веселья. За Сталина, за его верных соратников — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Постышева, Косиора — мы все, как один, готовы сражаться с врагами. Всем нашим колхозным селом мы требуем уничтожить изменников родины.

А вас, товарищ Сталин, мы от чистого сердца просим беречь свое здоровье, свои силы для счастья нашей родины, для счастья тружеников всей земли».

Комбайнер Кун — *товарищу* СТАЛИНУ

Дорогой товарищ Сталин!

Я обещал Вам на всесоюзном совещании комбайнеров и комбайнерок убрать моим комбайном 600 га зерновых и 200 га подсолнуха. На 19 августа мною убрано 725 га зерновых. Обещаю убрать 1.100 га. Мои успехи — результат руководства партии и Вашей беспредельной заботы о людях. Обещаю в 1937 году на основе стахановских методов работы дать еще большие результаты.

Комбайнер-орденоносец Бринентальской МТС КУН.

АССР немцев Поволжья.

Коллектив шахты «Центральная-Ирмино» выполнил свое обязательство

КАДИЕВКА, 22 августа. (ТАСС). Вчера, в первый день стахановской вахты имени товарища Сталина, проводимой на шахтах района в честь стахановской годовщины, коллектив шахты «Центральная-Ирмино» добился блестящей победы: он выдал «на-гора» удвоенную угледобычу — 1.834 тонны угля, с честью выполнив свое обязательство любимому вождю народов товарищу Сталину.

В этот день сотни стахановцев шахты дали по 2—3 нормы выработки. Стахановцы и командиры шахты заявляют, что в ответ на подлую террористическую деятельность троцкистско-зиновьевских выродков, этих агентов фашистской охранки, стахановцы «Центральной-Ирмино» добьются новых производственных побед.

Парторг колхоза «Пламя», Раменского района, Московской области, А. И. Аверин знакомит бригаду И. С. Чижова с материалами о террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды.

Фото С. Коршунова.

ЦК ВКП(б) извещает о том, что кандидат в члены ЦК ВКП(б) **М. П. Томский**, запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами, 22-го августа на своей даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОБРАНИЯ ПАРТИЙНОГО АКТИВА МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП(б) ПО ДОКЛАДУ тов. ХРУЩЕВА

Заслушав и обсудив доклад товарища Хрущева о террористической деятельности контрреволюционного троцкистско-зиновьевского блока, собрание партийного актива московской организации, считая неопровержимо доказанной виновность руководителей троцкистско-зиновьевского блока — **Троцкого, Зиновьева, Каменева в злодейском убийстве Сергея Мироновича Кирова** и гнусной подготовке террора против великого вождя народов товарища Сталина и его ближайших учеников — руководителей партии и правительства, настаивает на безусловном выполнении требования большевиков и трудящихся Москвы и Московской области, как и всей партии и народа, — расстрелять презренную банду убийц — Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, Смирнова, Мрачковского и других участников контрреволюционного террористического троцкистско-зиновьевского центра.

Руководимый злейшим врагом рабочего класса, верным псом фашистской охранки — Троцким, контрреволюционный троцкистско-зиновьевский блок в борьбе против нашей партии и советского государства стал организующей силой всех заклятых *врагов революции, шпионов, диверсантов*, белогвардейцев, кулачья, всех, кому ненавистно дело социализма, дело Ленина—Сталина.

Троцкистско-зиновьевская свора, окончательно скатившаяся в белогвардейское болото и являющаяся головным отрядом международной контрреволюции, выразительницей ее воли и чаяний, гнусной агентурой фашистской контрразведки, вызывает могучий и грозный гнев советского народа и всего трудящегося человечества.

Предатели родины, враги народа, трижды проклятые и презренные троцкисты и зиновьевцы, лишенные какой бы то ни было почвы и влияния среди трудящихся нашей страны, — они строили свои расчеты *на провал социалистического строительства*, радовались трудностям, с надеждой ожидали международных осложнений, войны, *голода в стране*, чтобы на *страданиях* народа пробраться к власти.

Троцкисты и зиновьевцы, полностью обанкротившиеся перед лицом великих побед социалистического строительства, избрали основным методом борьбы с нашей партией двурушничество, маскируя свое подлое контрреволюционное дело многократными лицемерными раскаяниями в своих преступлениях против партии. Обман партии, двурушничество и подлость троцкисты и зиновьевцы довели до таких чудовищных размеров, которым могли бы позавидовать любой провокатор, Азефы, любая охранка.

Руководимая только жаждой личной мести и карьеристскими стремлениями к власти, *эта жалкая, презренная кучка* фашистских выродков и изуверов обагрила свои руки в крови одного из *лучших сынов нашей партии*, пламенного трибуна коммунизма Сергея Мироновича Кирова. Они организовывали террористические акты против товарища Сталина и его ближайших учеников товарищей Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Как в свое время все враги пролетарской революции сосредоточили свою злобу и ненависть против великого Ленина, так теперь заклятые враги партии и советской власти — троцкисты и зиновьевцы — свою бешеную злобу и ненависть направляли против великого продолжателя дела Ленина, против товарища Сталина, на кого с гордостью и надеждой смотрит все трудящееся человечество.

Враг просчитался.

Непобедима могучая сила партии Ленина—Сталина и многомиллионного героического народа нашей страны, строящих коммунистическое *общество*.

Большевики и трудящиеся Москвы вместе со своей партией и народом Советского Союза окружат еще более *неприступной* стеной своего вождя, отца и друга — родного Сталина и его боевых соратников, еще зорче будут охранять своих вождей, еще теснее сплотят свои ряды вокруг Сталинского Центрального Комитета.

Фашистская банда готовила убийство ближайшего соратника товарища Сталина — Лазаря Моисеевича Кагановича, того, чей пламенный большевистский темперамент, чья беспредельная преданность великому Сталину, чья *сталинская непримиримость* к врагам партии — троцкистам, зиновьевцам, правым оппортунистам вдохновляла и сплачивала *большевиков Москвы* и Московской области и широкие массы трудящихся вокруг товарища Сталина.

С чувством глубокого возмущения большевики Москвы узнали в ходе судебного следствия о политических связях с контрреволюционным троцкистско-зиновьевским центром лидеров бывшей правой оппозиции — Рыкова, Бухарина и Угланова, а также известных своей активной троцкистской борьбой против партии — Радека, Пятакова и других.

Актив московской партийной организации целиком и полностью одобряет решение о расследовании связи с троцкистско-зиновьевским контрреволюционным центром Томского, Рыкова, Бухарина, Радека, Пятакова, Угланова *и др.* Актив уверен, что все прямые и косвенные пособники троцкистско-зиновьевского центра понесут *строжайшую кару как по линии партийной*, так и судебной.

Партийные организации, каждый член партии должны усвоить главный вывод, вытекающий из фактов террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока и его союзников, — необходимость всемерного повышения большевистской бдительности, на что неоднократно указывал товарищ Сталин.

«Не убаюкивать надо партию, — говорил товарищ Сталин, — а развивать в ней бдительность, не усыплять ее, — а держать в состоянии боевой готовности, не разоружать, а вооружать, не демобилизовывать, — а держать ее в состоянии мобилизации для осуществления второй пятилетки».

Собрание партийного актива напоминает, что указание партии и товарища Сталина о высокой революционной бдительности каждого коммуниста имеет *особую силу* и особую важность для большевиков пролетарской столицы, где находится мозг и сердце великой партии Ленина—Сталина.

Партийные организации должны навсегда покончить с проявлениями преступного благодушия и ротозейства, на любом участке и во всякой обстановке должны уметь распознавать врага, под какой бы маской он ни скрывался, и приковать внимание каждого члена партии к борьбе с остатками злейших врагов нашей партии и рабочего класса.

Московская организация, верный оплот Ленинско-Сталинского ЦК ВКП(б), под руководством Центрального Комитета разгромила контрреволюционных троцкистов и зиновьевцев, *под руководством* Центрального Комитета и при его помощи разгромила правых оппортунистов и право-левацких уродов и добилась *огромных успехов* во всех областях социалистического строительства. Московская организация и впредь будет *неприступной крепостью Сталинского* ЦК ВКП(б) и вождя партии товарища Сталина.

Большевики Москвы выражают свою горячую любовь и беспредельную преданность великому Сталину. Они заверяют товарища Сталина, что московская организация поднимет на еще большую высоту идейное воспитание коммунистов в духе сталинской непримиримости ко всем врагам партии и рабочего класса и на этой основе еще крепче сцементирует свои большевистские ряды.

Московская организация была, есть и будет гранитной опорой Центрального Комитета *партии и любимого* вождя и учителя товарища Сталина.

Да здравствует Ленинско-Сталинский *Центральный Комитет!*

Да здравствует наш вождь, учитель и друг товарищ Сталин!

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ КИЕВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО ПАРТАКТИВА ПО ДОКЛАДУ тов. П. П. ПОСТЫШЕВА

Актив киевской организации коммунистической партии (большевиков) Украины целиком одобряет решение высших правительственных органов о предании военному суду контрреволюционных троцкистско-зиновьевских заговорщиков, готовивших гнусное убийство лучших людей нашей партии и страны и вождя партии и народов СССР — товарища Сталина.

Полностью обанкротившийся политически троцкистско-зиновьевский блок скатился на путь оголтелой фашистской белогвардейщины. Он соединился с самыми заклятыми врагами рабочего класса и нашей социалистической родины — монархистами, фашистами, иностранными интервентами.

Актив требует физического уничтожения разоблаченных троцкистско-зиновьевских убийц, поднявших свою продажную руку на руководителей нашей страны и вождя товарища Сталина.

Актив отмечает, что, по показаниям арестованных по делу контрреволюционного троцкистско-зиновьевского террористического центра, бывшие вожди правой оппозиции — Томский, Рыков, Бухарин были хорошо осведомлены о террористическом заговоре троцкистско-зиновьевского центра, а также, как и руководители этого центра, они хорошо знали о террористических планах правой группы Эйсмонта — Слепкова.

Актив требует строжайшего расследования и полного *выяснения роли бывших* лидеров правой оппозиции в контрреволюционной террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра.

Актив отмечает, что троцкистско-зиновьевские *заговорщики в своих контрреволюционных* планах уделяли особое внимание Украине. Они тесно сплотились с украинскими националистами и их *союзниками* — русскими великодержавными шовинистами, а также с работавшими на Украине организациями пилсудчиков и гитлеровцев, подготовляя отторжение Украины от Советского Союза.

Украинские троцкисты во главе с Коцюбинским, Голубенко, Логиновым, Нырчуком и другими, организовавши контрреволюционный троцкистско-зиновьевско-националистический блок, планируя захват Украины бандами немецких и польских фашистских интервентов, готовили террористические акты против вождей партии и советской власти и, прежде всего, против товарища Сталина, а также против руководителей партии и правительства на Украине — тт. Косиора и Постышева.

Все это требует особенно острой большевистской бдительности от всех членов *коммунистической партии большевиков* Украины. Необходима беспощадная борьба с малейшими проявлениями гнилого либерализма и *преступного обывательского ротозейства* по отношению к троцкистско-зиновьевско-националистической белогвардейщине.

Вся партийная организация Украины должна извлечь суровый урок из фактов либерализма и преступного ротозейства, которые имели место в Днепропетровске, где в областных организациях до недавнего времени работали троцкистские двурушники; в Харькове, где контрреволюционная группа в сталелитейном цехе паровозного завода долгое время работала под носом у горкома и обкома; в Киеве — на заводе «Большевик», на предприятиях кожевенной промышленности и в Укркожтресте, а также в Одессе, Донбассе, чтобы сделать *совершенно невозможным повторение* этих фактов.

Как ни велики успехи нашей великой социалистической страны, они не дают права ни одному большевику поддаваться хотя бы малейшему самоуспокоению и благодушию.

Актив призывает всю коммунистическую партию большевиков Украины до конца разгромить остатки контрреволюционного троцкистско-зиновьевского националистического блока, еще теснее сплотиться вокруг нашего испытанного, боевого ленинского штаба, вокруг ЦК ВКП(б), вокруг ЦК КП(б)У, вокруг нашего любимого великого вождя товарища Сталина.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Речь государственного обвинителя, прокурора СССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Товарищи судьи, товарищи члены Военной Коллегии Верховного Суда Союза!

Три дня со всей тщательностью и вниманием вы исследовали представленные государственным обвинением улики и доказательства, направленные против сидящих здесь на скамье подсудимых людей, обвиняемых в совершении тягчайших государственных преступлений. Со всей возможной тщательностью вы подвергли *исследованию и судебной проверке* каждое из этих доказательств, каждый факт, каждое событие, каждый шаг обвиняемых, в течение многих лет *нанизывавших одно преступление* на другое в своей борьбе против советского государства, против советской власти и нашей партии, против всего нашего советского народа.

Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовищна вина этих преступ*ников и убийц*, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, против наших руководителей, руководителей советского государства. Чудовищны преступления этой банды людей, не только подготовивших террористические акты, но и убивших одного из лучших сынов рабочего класса, одного из преданнейших делу социализма, одного из любимейших учеников великого Сталина, пламенного трибуна пролетарской революции, незабываемого Сергея Мироновича Кирова.

Но *как бы ни были* чудовищны эти преступления и как бы ни были мы все глубоко взволнованы и возмущены этими *кошмарными и ужасными преступлениями*, — вы, товарищи судьи, как это и подобает советскому суду и советскому правосудию, с глубоким спокойствием взвешивали и оценивали проходившие перед вашими глазами факты, связанные с преступной деятельностью этих людей, имена которых давно уже покрыты всенародным презрением и всенародным позором.

Мы подошли сейчас к концу нашего судебного процесса. Мы подводим его последние итоги. Мы делаем *последние выводы*, готовясь, может быть, через несколько часов выслушать ваш приговор, — приговор суда *советской страны*, требующей и ожидающей от вас справедливого, непреклонного и неумолимо сурового решения участи этих людей, этих презренных убийц, этих подлых и наглых врагов советской земли, советского народа.

Мы строим новое социалистическое общество, новое советское государство в *тяжелых условиях классовой борьбы*, в условиях жестокого сопротивления последних остатков разгромленных и пущенных нами ко дну эксплоататорских классов.

Каждый шаг нашего продвижения вперед *связан с ожесточенным сопротивлением* врагов, поднимающих против нас все силы старого мира, всю мразь, всю накипь старого *общества, мобилизующих и бросающих* на борьбу с нами самые преступные, самые от'явленные, самые отпетые и *разложившиеся бесчестные* элементы.

Ленин учил, что «ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены» *), без того, чтобы буржуазия и мелкобуржуазная *стихия не боролись против советской* власти, действуя не только приемами Савинковых, Гопов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, потоками лжи и клеветы, но и используя все и всякие *элементы разложения, пускаясь на всякие* и всевозможные грязные и позорные преступления.

Товарищ Сталин предупреждал, что:

«Надо иметь в виду, что рост мощи *советского государства будет усиливать* сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эс-эров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контр-революционных оппозицион*ных элементов из троцкистов и правых* уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв» **).

Три года тому *назад* товарищ Сталин не только предсказал неизбежность сопротивления делу социализма враждебных ему элементов, но предсказал возможность оживления троцкистских контрреволюционных групп. *Этот процесс полностью* и отчетливо доказал всю гениальность этого предсказания.

Этот процесс, «герои» которого связали свою судьбу с фашистами, с агентами полицейских *охранок*, «*герои*» которого потеряли всякую разборчивость в средствах и дошли до геркулесовых столбов двурушничества и обмана, возвели вероломство и предательство в систему, в закон своей борьбы против советского государства.

Этот процесс вскрыл до конца и еще раз доказал, как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма, процесс показал, как ничтожны эти враги, мечущиеся и кидающиеся от одного преступления к другому. *Презренная, ничтожная, бессильная* кучка предателей и убийц — она думала остановить своими грязными преступлениями биение могучего сердца нашего великого народа! Презренная, ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду.

Эти взбесившиеся псы капитализма пытались разорвать на части самых лучших из лучших людей нашей советской земли. Они убили одного из самых дорогих для нас людей революции, замечательного и чудесного человека, светлого и радостного, как всегда была светлой и радостной на его устах улыбка, как светла и радостна наша новая жизнь. Они убили нашего Кирова, *они ранили нас совсем близко* к самому сердцу. Они думали внести в наши ряды смятение и замешательство...

На предательский выстрел 1 декабря 1934 года вся страна ответила убийцам единодушным проклятием. Вся страна — миллионы и десятки миллионов людей всколыхнулись и еще раз доказали свою сплоченность и единство, свою преданность великому знамени партии Ленина—Сталина. Железной, несокрушимой стеной стала страна Советов на защиту своих вождей, своих руководителей, за каждый волос которых преступные безумцы ответят перед нами своей головой. В этой безграничной любви миллионных масс трудящихся к нашей партии, ее Центральному Комитету, к нашему Сталину и его славным сподвижникам, в этой безмерной любви народа — вся сила защиты и *охраны наших вождей*, руководителей страны и партии от предателей, убийц и бандитов!

Цветет, радостно растет *наша великая* родина. Богато колосятся золотом хлебов бесчисленные колхозы, полной грудью дышат тысячи новых социалистических стахановских фабрик и заводов. Дружно и чудесно работают на благо своей родины железные дороги, по бесконечно сверкающим стальным лентам которых из конца в конец мчатся кривоносовские поезда и маршруты. Несокрушимо, как гранит, стоит на страже родных границ окруженная любовью народа Красная Армия. Дороги и близки родные нам и всем, кто преисполнен сыновней любовью к своей матери-родине, — имена замечательных большевиков, неутомимых и талантливейших строителей нашего государства — Серго *Орджоникидзе*, Клима *Ворошилова*, Лазаря Моисеевича Кагановича, руководителей украинских большевиков — Косиора и Постышева, руководителя ленинградских большевиков — Жданова. С непревзойденной великой любовью произносится трудящимися во всем мире имя великого учителя и вождя народов СССР — Иосифа Виссарионовича Сталина!

Под руководством советского правительства и нашей партии во главе со *Сталиным окончательно и бесповоротно* победил в нашей стране социализм. Под руководством нашей партии пролетариат нашей страны отобрал орудия и средства производства у капиталистов, уничтожил капиталистическую систему, опирающуюся на частную собственность, на эксплоатацию, на нищету и рабство.

Под руководством нашей партии и советского правительства народы СССР осуществили великую индустриализацию нашей страны, удесятерив средства ее производства и умножив ее национальные богатства, создав тем самым условия *для* счастливой и радостной жизни всех трудящихся советской социалистической страны. Победа социализма есть прежде всего победа нашей родной большевистской партии, ее *ленинско-сталинской* генеральной линии, ее ленинско-сталинского руководства, ее Центрального Комитета во главе с великим Сталиным.

На основе этих побед создан нерушимый *союз всех трудящихся* для дальнейшего укрепления и развития социализма, создан и закреплен союз и дружба всех народов СССР для строительства социализма, для обороны против наших врагов, против врагов социализма. Эти победы решительно изменили весь облик нашей страны, поднятой на невиданную высоту хозяйственного и культурного развития.

Эти победы принесли рабочему классу СССР гигантское улучшение его материального благополучия. Уже много лет тому назад уничтожена безработица, введен семичасовой рабочий день, против которого сидящие здесь на скамье подсудимых «герои» всегда упорно и предательски боролись. Невиданных успехов, недостижимых ни в какой капиталистической стране, до*билась наша страна в области развития* и расцвета новой, подлинно человеческой, социалистической культуры.

Эти победы принесли всей стране, каждому рабочему и колхознику, служащему и *интеллигенту зажиточную и светлую* жизнь. В этих победах — залог единства всего советского народа с нашим правительством, с нашей партией и с ее Центральным Комитетом. И разве не лучшим доказательством этого несокрушимого, подлинного единства и сплочения народных масс вокруг великого Сталина, вокруг нашего ЦК, вокруг нашего советского правительства являются, мыслимые только в нашей стране, широкие массовые народные совещания передовиков фабрик, заводов, транспорта, хлопковых и свекловичных полей, животноводства, комбайнеров и трактористов, стахановцев и кривоносовцев с руководителями партии и правительства! Это проявление подлинного советского, истинного демократизма! И разве не служат ярким доказательством этого единства и те могучие волны народного гнева против гнусных убийц, которые перекатываются сейчас из конца в конец нашей страны!

*) Ленин: «Очередные задачи советской власти», XXII том, 457 стр.

**) Сталин: «Вопросы ленинизма», изд. X, стр. 510.

Троцкистско-зиновьевский центр — банда презренных террористов

В течение предыдущих дней судебного процесса эти господа пытались принять «благородный» вид. Они, по крайней мере, их главари, не без рисовки говорили о своем террористическом заговоре; они искали и ждали политической квалификации своих преступлений, — они говорили о политической борьбе, о каких-то политических соглашениях с какими-то якобы политическими партиями. И хотя они признали, что в действительности никакой политической платформы у них не было, что *они даже не испытывали нужды в создании* какой-либо платформы, так как, по их собственному признанию, их платформу *можно написать в один присест, в какие-нибудь* два часа, — они все же пытались разыгрывать из себя неподдельных политиков. Они всячески стараются изобразить дело так, будто они стоят на каких-то, пусть замызганных и затрепанных, но все же политических позициях. Эти попытки — лживое прикрытие их политической пустоты и безыдейности. И когда они говорили об интересах рабочего класса, об интересах народа, когда они будут говорить об этом в своих защитительных речах и в последних словах подсудимых, — они будут лгать, как лгали до сих пор, как лгут сейчас, ибо они *пошли* против единственно народной политики — против политики нашей страны, против нашей советской политики. *Лгуны и шуты, ничтожные пигмеи, моськи и шавки*, вз'ярившиеся на слона, — вот что представляет собою эта компания!

Но они умеют пользоваться оружием, и это опасно для общества. Это обстоятельство требует особых и самых серьезных мер против них. Посадить их на цепь недостаточно. Против них должны быть приняты более решительные и радикальные меры борьбы. Не политики, а банда убийц и уголовных преступников, воров, пытавшихся расхищать государственное достояние, — вот что представляет собой эта компания.

Эти господа признавали, что у них не *было* никакой программы, *однако* кое-какая «программа» у них была. Была у них программа и внутренней политики и внешней политики. Внутренняя политика определялась в их программе одним словом — убить. Они предпочитают, правда, говорить не об убийствах, а о терроре. Но надо называть вещи своими именами. Эти господа избрали убийство средством борьбы за власть. Цинично и откровенно они должны были сами признать здесь это.

Как увязывали эти господа их марксизм в кавычках с проповедью террора и террористической деятельностью? — Никак! А *ведь эти люди себя когда-то считали марксистами!* Вероятно, обвиняемый Зиновьев и сейчас еще считает себя марксистом. Он говорил здесь, что *марксизм не может быть* увязан с террором, но марксизм может об'яснить, как они пришли к террору.

О том, как увязывается у них марксизм с проповедью террора и террористической деятельностью, я спрашивал здесь на процессе обвиняемого Рейнгольда. Он сказал: «У Каменева в 1932 году, в присутствии ряда членов об'единенного троцкистско-зиновьевского центра, Зиновьев обосновал необходимость применения террора тем, что *хотя террор и не совместим с марксизмом*, но в данный момент эти соображения надо отбросить. Других методов *борьбы с руководством партии и правительства* в данное время нет. Сталин об'единяет всю силу и твердость партийного руководства, поэтому в первую голову надо убрать Сталина». Вот вам ответ, откровенно-циничный, наглый, но совершенно логичный. Вот вам и вся новая зиновьевская «философия эпохи».

Рейнгольд говорит: «Каменев развивал ту же теорию, говоря, что прежние методы борьбы — завоевание масс, верхушечные комбинации с правыми, ставка на хозяйственные трудности — провалились. Поэтому единственный метод борьбы — это террор, *террористические действия против* Сталина и его ближайших соратников — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, *Косиора, Постышева*, Жданова».

Это откровенно и нагло, но в то же время логично с точки зрения логики классовой борьбы, с точки зрения логики нашего врага, борющегося против страны социализма.

Без масс, против масс, но за власть, власть во что бы то ни стало, жажда личной власти, — вот вся идеология этой компании, сидящей на скамье подсудимых.

Вся циничная беспринципность этих людей откровенно была показана здесь Каменевым. В своем об'яснении на суде он говорил о том, как и на какой базе был *организован этот террористический заговор*, как он назвал его.

«Я пришел, — говорил Каменев, — к убеждению, что политика партии, политика ее руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна политическая победа социализма, что эта политика признана трудящимися массами».

Это заявление замечательно и по своей беспринципности и по наглому цинизму: именно потому, что «политика партии победила», они вели борьбу против ее руководителей.

«Ставка наша, — говорит Каменев, — на возможность раскола в партии также оказалась бита. Оставалось два пути: либо честно и полностью ликвидировать борьбу против партии, либо продолжать ее, но уже без всякого расчета на какую бы то ни было массовую поддержку, без политической платформы, без *знамени, то-есть* путем индивидуального террора. Мы выбрали второй путь».

Подсудимый Каменев *должен был быть* более последовательным: если первый путь он назвал путем честного отказа от борьбы, *второй* путь надо было охарактеризовать, как путь бесчестной борьбы бесчестными средствами.

Он признал: «мы выбрали этот второй путь, мы руководствовались при этом бесконечным озлоблением против руководства партии и страны и жаждой власти, к которой мы некогда были близки и от которой мы были отброшены ходом исторического развития».

Подсудимый Зиновьев говорит: «к концу 1932 года стало очевидным, что наши надежды не оправдались... фактом было то, что генеральная линия партии побеждает. Здесь, — говорит Зиновьев, — со всей наглядностью сказалась полная беспринципность и безыдейность, которые привели нас к *голой и беспринципной борьбе за власть*». (Дело т. XII, л. д. 34).

Можно ли после этого разговаривать с *этими людьми* на каком бы то ни было политическом языке? Разве мы не вправе говорить с этими людьми только одним языком, языком Уголовного Кодекса, и рассматривать их как уголовных преступников, как отпетых и закоренелых убийц?

Такова их «программа» в области, если можно так выразиться, внутренней политики. Раньше они хотя бы на стыдливости мотивировали свою борьбу против руководства советской власти и партии недостатками, недочетами, затруднениями. Теперь они уже сняли с себя эту маску. Они признают теперь, что убедились в победе социализма в нашей *стране*. К *террору*, к убийствам они пришли вследствие безнадежности своего положения, от сознания *своей изолированности от власти, от рабочего* класса. К террору они пришли благодаря полнейшему отсутствию благоприятных *для них* перспектив в борьбе за власть другими средствами, другими способами.

Каменев признал, что организация террора была единственным средством, с помощью которого они надеялись притти к власти, и что именно на базе этой террористической борьбы велись, и в конце концов успешно завершились, переговоры об об'единении между троцкистами и зиновьевцами. Террор — вот настоящая база об'единения троцкистов и зиновьевцев.

В этом не все они хотят признаться.

Товарищи судьи, вынося свой приговор в совещательной комнате, вы внимательно, — *я в этом не сомневаюсь*, — еще раз ознакомитесь не только со всеми материалами судебного следствия, но и с протоколами предварительного следствия; вы убедитесь, с каким животным страхом подсудимые старались уйти именно от признания террора, как основы их преступной деятельности.

Вот почему так вертится здесь Смирнов. Он признает, что был членом центра, признает, что этот центр усвоил террористическую линию борьбы, признает, что сам получал от Троцкого директивы об этой террористической борьбе. Но в то же время всеми силами и средствами он старается доказать, что лично он, Смирнов, террора не принял, не был с этим согласен и *даже договорился до того, будто он даже* вышел из троцкистско-зиновьевского террористического центра или блока.

Я буду еще особо говорить о каждом из подсудимых, и в том числе о Смирнове, и постараюсь со всей полнотой, тщательностью и об'ективностью разобрать доказательства, которые уличают их в совершении тягчайших государственных преступлений. Сейчас я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что сами обвиняемые — не политические младенцы, а прожженные игроки в политической борьбе, — они прекрасно понимают, какой ответственности они подвергаются за то, что не только «теоретически» признали этот террор, — и этого было бы достаточно, чтобы их головы *положить на плаху*, — *но и* за то, что эту «теоретическую» программу они переложили на язык террористической практики, на язык практических преступных действий.

Троцкий, Зиновьев, Каменев — заклятые враги Советского Союза

Террор лежал в основе всей их деятельности, он был базой троцкистско-зиновьевского об'единения. Здесь совершенно согласно об этом показали люди, непосредственно друг с другом не связанные в их подпольной работе. Это признали здесь не только Зиновьев и Каменев. Смирнов и Тер-Ваганян, Рейнгольд и Пикель, но об этом здесь говорили точно так же и Берман-Юрин, и Фриц Давид, и Валентин Ольберг — этот оригинальный гражданин республики Гондурас, штатный агент Троцкого и одновременно германской тайной полиции — Гестапо.

Все эти лица под тяжестью пред'явленных им улик не смогли дальше запираться и должны были признать, что главным и даже единственным об'единявшим их преступную деятельность средством борьбы против советской власти и партии был террор, были убийства.

«На этом, — говорил Рейнгольд, — настаивали и сходились и троцкисты, и все участники блока». Именно насильственное устранение руководства ВКП(б) и советского правительства являлось основной задачей этого троцкистско-зиновьевского блока, который по справедливости можно назвать, *как я это и сделал в обвинительном* заключении, обществом политических убийц.

Эти террористические настроения, положенные в основу организации троцкистско-зиновьевского блока в 1932—1936 гг., быть может наиболее отчетливо и характерно выражены обвиняемым Мрачковским, заявившим как на предварительном следствии, так и здесь на суде:

«Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор *применявшиеся* средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единствен-

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМ. НА 3-Й СТР.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Речь государственного обвинителя, прокурора СССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ный путь борьбы — это путь насильственного устранения руководителей партии и правительства».

Мрачковский говорил: главная задача состоит в том, чтобы убрать Сталина и других руководителей партии и правительства.

Вся звериная злоба и ненависть были направлены против руководителей нашей партии, против Политбюро Центрального Комитета — против товарища Сталина, против славных его соратников.

На них, во главе с товарищем Сталиным, легла основная тяжесть борьбы с зиновьевско-троцкистской подпольной организацией. Под их руководством, под руководством товарища Сталина — гениального проводника и хранителя ленинских заветов — была разгромлена контрреволюционная троцкистская организация. В ожесточенных боях с троцкистской контрреволюцией под их руководством была окончательно разбита наголову троцкистская контрреволюция.

В боях с этой троцкистской контрреволюцией товарищ Сталин разработал и неуклонно проводил в жизнь ленинское учение о построении социализма в нашей стране, вооружив этим учением миллионные массы рабочих и колхозников.

Вот почему троцкисты и зиновьевцы, как и другие самые оголтелые контрреволюционные элементы, все свои силы, ненависть и злобу против социализма сосредоточили на руководителях нашей партии. Вот почему в марте 1932 года в припадке контрреволюционного бешенства Троцкий разразился открытым письмом с призывом «убрать Сталина» (письмо это было из'ято из потайной стенки Гольцмановского чемодана и приобщено к делу в качестве вещественного доказательства).

Этот подлый призыв с еще большей откровенностью Троцкий обратил к ряду своих заграничных учеников, завербованных им в качестве убийц для переброски в СССР, с целью организации террористических актов и покушений против руководителей нашего советского государства и нашей партии. Об этом здесь подробно рассказывал подсудимый Фриц Давид. Он сообщил, как в ноябре 1932 года он беседовал с Троцким и как во время этой беседы Троцкий сказал буквально следующее: «сейчас нет другого выхода, как только насильственное устранение Сталина и его сторонников. Террор против Сталина — вот революционная задача. Кто революционер — у того не дрогнет рука». (Дело т. VIII, л. д. 62). С этой целью Троцкий занялся подбором экзальтированных людей, внушая им, чтобы они осуществили этот контрреволюционный акт, как какую-то «историческую миссию».

Берман-Юрин показывал здесь, что Троцкий систематически и неоднократно говорил: «до тех пор, пока Сталин не будет насильственно убран — нет никакой возможности изменить политику партии; в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами — Сталин должен быть физически уничтожен».

Фриц Давид и Берман-Юрин вели с Троцким разговоры об убийстве Сталина. Они приняли от Троцкого задание и сделали целый ряд практических шагов, чтобы это задание осуществить. Разве этого мало, чтобы они были достойны самого сурового наказания, предусмотренного нашим законом, — расстрела?

Фриц Давид, Берман-Юрин, Рейнгольд, Ольберг В., сам Смирнов И. Н. разоблачили, в сущности говоря, роль Троцкого в этом деле до конца. Даже Смирнов, упорно запиравшийся в том, что принимал какое-либо участие в террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра, не мог не признать, что установка на индивидуальный террор в отношении руководителей советского государства и ВКП(б) была им получена в 1931 году лично от сына Троцкого — Седова, что эта установка о терроре была подтверждена Троцким в 1932 году в директиве, привезенной из-за границы Гавеном и переданной Смирнову. Смирнов пытался смягчить остроту своего собственного положения ссылкой на то, что полученные им от Седова директивы о терроре были якобы личной установкой Седова. Но это пустое об'яснение. Ведь всем совершенно очевидно, что Седов никакого авторитета для Смирнова не представлял. Тер-Ваганян и Мрачковский подтвердили здесь это, заявив, что, если бы они думали, что установки о терроре исходят от Седова, они наплевали бы на них с шестого, двенадцатого или еще с более высокого этажа.

Обвиняемый Тер-Ваганян, один из главных организаторов об'единенного центра, подтвердил, что, будучи за границей, Смирнов действительно получил от Троцкого директиву о переходе к террору. Тер-Ваганян только завуалировал показание, заменив упоминание о терроре словами: «острая борьба с руководителями ВКП(б)». Позже и он, однако, должен был расшифровать это и подтвердить, что речь шла о директиве, содержанием которой был террор и только террор.

Вы слышали, наконец, показания свидетельницы Сафоновой, очная ставка с которой, вероятно, крепко запомнилась всем, кто присутствовал здесь на суде. На этой ставке Сафонова, дело о которой выделено в особое производство, в виду продолжающегося следствия, полностью подтвердила, что Смирнов получил от Троцкого директиву об индивидуальном терроре в 1931 году через Седова, а впоследствии через Гавена.

На основании этих данных можно считать совершенно установленным, что именно директива Троцкого о терроре послужила основанием для развертывания террористической деятельности об'единенного центра. Директива об организации об'единенного центра и о переходе к террору, данная Троцким, была принята троцкистским подпольем. Зиновьев и Каменев, как руководители зиновьевской части блока, сами пришли к той же мысли и тоже приняли директиву Троцкого как основу действий об'единенного центра и подполья.

Эти подлинные, закоренелые враги не могли спокойно смотреть на растущее благополучие нашего народа, нашей страны, вышедшей на широкую дорогу социализма.

СССР побеждает, СССР строит социализм, в СССР торжествует социализм, тем сильнее их ненависть против ЦК, Сталина и правительства, которым страна обязана этой победой, которыми страна гордится.

В мрачном подполье Троцкий, Зиновьев и Каменев бросают подлый призыв: убрать, убить! Начинает работать подпольная машина, оттачиваются ножи, заряжаются револьверы, снаряжаются бомбы, пишутся и фабрикуются фальшивые документы, завязываются тайные связи с германской политической полицией, расставляются посты, тренируются в стрельбе, наконец, стреляют и убивают.

Вот в чем главное! Контрреволюционеры не только мечтают о терроре, не только строят планы террористического заговора или террористического покушения, не только подготовляются к этим злодейским преступлениям, но осуществляют их, стреляют и убивают!

Главное в этом процессе — в том, что они претворили свою контрреволюционную мысль в контрреволюционное дело, свою контрреволюционную теорию в контрреволюционную террористическую практику: они не только говорят о стрельбе, но они стреляют, стреляют и убивают!

В этом — главное. Они убили тов. Кирова, они готовились убить товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Вот за что мы судим этих людей, этих организаторов тайных убийств, этих патентованных убийц.

И вот почему мы требуем судить их строго, как велит нам наш советский закон, судить их, как требует наша социалистическая совесть.

Убийства — вот вся «программа» внутренней политики этих людей.

А внешняя политика?

Тут поднимаются загробные тени, здесь оживают старые «тезисы Клемансо», здесь снова видны троцкистские уши.

Личное письмо Троцкого, полученное Дрейцером, состояло из трех коротких пунктов: 1) убрать Сталина и Ворошилова, 2) развернуть работу по организации ячеек в армии, 3) в случае войны использовать всякие неудачи и возможное замешательство для захвата руководства.

Это — откровенная ставка на поражение.

Это — тот же старый тезис Клемансо, но в новом издании под редакцией об'единенного центра троцкистско-зиновьевского террористического блока.

Фриц Давид показал на следствии и подтвердил здесь на суде (это полностью соответствует и ряду исторических документов, и показаниям других обвиняемых, и самому существу задачи, стоящей перед Троцким, Зиновьевым, Каменевым), что в одной из своих бесед с ним Троцкий спросил: «Как вы думаете, в случае войны Советского Союза с японцами исчезнет ли это недовольство?» (Он говорил о недовольстве, которое, по его мнению, существовало у нас в стране). «Нет, наоборот, — говорил Троцкий, — в этих условиях враждебные режиму силы будут пытаться соединиться воедино, и в этом случае наша задача будет заключаться в том, чтобы об'единить и возглавить эти недовольные массы, вооружить их и повести против господствующих бюрократов». (Дело т. VIII, л. д. 61).

Это же Троцкий повторил в письме 1932 г. (очевидно это у него идея-фикс) и в беседе с Берман-Юриным.

«В связи с международным положением того периода, — показывает Берман-Юрин, — Троцкий указал мне, что особо важной является задача разложения наших военных сил, так как в случае войны с Советским Союзом огромные массы будут призваны в армию». Троцкий и троцкисты вместе с зиновьевцами и рассчитывали легко обработать эти массы. «Троцкий дословно сказал мне, — добавляет Берман-Юрин, — мы будем защищать Советский Союз в том случае, если будет свергнуто сталинское руководство». (Дело т. IV, л. д. 100).

Такова программа их внешней политики!

Может быть, все это — выдумка? Может быть, Фриц Давид и Берман-Юрин пустились здесь в фантастические измышления? Может быть, это все — вымысел, выдумка, безответственная болтовня подсудимых, которые пытаются возможно больше сказать против других, чтобы облегчить свою окончательную судьбу? Нет! Это не выдумка, не фантазия! Это истина! Кто не знает того, что Троцкий вместе с сидящими на скамье подсудимых Каменевым и Зиновьевым несколько лет тому назад провозгласили «тезис Клемансо», что они говорили о необходимости в случае войны подождать, пока враг подойдет на расстояние 80 км от Москвы, чтобы поднять оружие против советского правительства, чтобы свергнуть его. Ведь это исторический факт. От него никуда не уйти. Именно поэтому приходится признать, что показания Берман-Юрина и Фриц Давида в этой части соответствуют действительности.

Такова была программа «внешней политики» этих людей. За одну такую программу наш советский народ повесит изменников на первых же воротах! И поделом!

Двурушничество, обман и провокация — основной метод троцкистов-зиновьевцев

Обратимся теперь к методам, которыми действовали эти люди.

Это, может быть, одна из самых позорных страниц их позорной преступной деятельности.

В соответствии с «принципиальной» линией троцкистско-зиновьевского подпольного блока на захват власти любыми средствами участники этого блока широко практиковали двурушничество в качестве основного метода своего отношения к партии и правительству. Это двурушничество они превратили в систему, которой могли бы позавидовать любые Азефы и Малиновские всех охранок, со всеми их шпионами, провокаторами и диверсантами.

Рейнгольд показал, что в 1933—1934 г. Зиновьев с глазу на глаз говорил ему — теперь Зиновьев подтвердил это перед всем миром на процессе, — что «главная практическая задача, которая стоит перед их подпольем, заключается в том, чтобы построить террористическую работу так конспиративно, чтобы никоим образом не скомпрометировать себя».

Может быть, это преувеличение? Конечно, нет. То, что говорил Рейнгольд, соответствует логике вещей.

«На следствии главное, — поучал своих соучастников Зиновьев, — отрицать какую бы то ни было связь с организацией, аргументируя несовместимостью террора со взглядами большевиков-марксистов». (Дело т. XXVII, л. д. 112).

Троцкий в свою очередь тоже рекомендовал, в случае совершения террористического акта, отмежеваться от троцкистской организации и занять позицию, аналогичную той, которая была занята в свое время эсеровским ЦК по отношению к госпоже Каплан, стрелявшей в Владимира Ильича. Мы знаем, что это значит. Мы помним, что после того, как Каплан выпустила свою предательскую пулю в Ленина, ЦК эсеров выпустил листовку, в которой категорически заявлял о своей непричастности к этому террористическому акту. Троцкий, Зиновьев, Каменев усвоили ту же тактику.

Зиновьев говорил: «Мы перешли на путь тщательно продуманного и глубоко законспирированного заговора, мы считали себя марксистами и, помня формулу «восстание есть искусство» — переделали ее по-своему, заявляя, что «заговор против партии, против Сталина есть искусство».

Вот сидят на скамье подсудимых мастера этого «искусства». Не скажу, чтобы мастера были высокой пробы. Низкопробные мастера! Но они все же сумели осуществить свое низкое дело. В чем же состояло их «искусство»? В этом плане на первом месте стояла маскировка всеми средствами их истинного преступного лица.

Это, может быть, один из самых ярких примеров в истории, когда действительно слово маскировка приобретает подлинное значение: эти люди надели на свои лица маски, изображали себя раскаявшимися грешниками, порвавшими с прошлым, отказавшимися от своих старых заблуждений и ошибок, переросших в преступления.

Характерно, что именно в тот период, когда об'единенный троцкистско-зиновьевский центр наиболее активизировал свою деятельность, когда эта террористическая деятельность достигла наибольшего своего развития и, нарастая, продвигалась к своему завершению подлым выстрелом в тов. Кирова, — именно в этот период Зиновьев обращается в Центральный Комитет партии с покаянным письмом. В этом письме, датированном 8-го мая 1933 года, т. е. в самый разгар подготовки террористических актов, Зиновьев не только отрекается от всех своих прежних ошибок, но и лицемерно клянется в преданности социализму и партии.

В те самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовя террористический акт против товарища Сталина, этот преступник, потерявший, как и все сидящие здесь, последний человеческий облик, заканчивал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я говорю правду и только правду. Я прошу вас вернуть меня в ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела. Я даю слово революционера, что буду самым преданным членом партии и сделаю все то, что возможно, чтобы хоть отчасти загладить свою вину перед партией и ее ЦК». Мы знаем теперь, чего стоят эти слова, мы знаем, что Зиновьев сделал все, что возможно, чтобы повредить партии и делу строительства социализма в нашей стране, делу всего международного коммунистического движения.

16 июня 1933 года он помещает в «Правде» статью «Две партии». В центральном органе нашей партии он публикует статью, в которой старается всячески доказать преданность партии, громит оппортунизм и поет аллилуйя победам, одержанным партией.

Это было 8-го мая и 16-го июня, — то-есть летом 1933 года. А тем же летом того же 1933 года, как это теперь точно установлено, на совещании троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев поручает Бакаеву приступить к практическому осуществлению террора.

Зиновьев обиделся здесь на Смирнова, когда он упрекнул его в том, что он говорит неправду. Сам Смирнов не сказал здесь ни одного слова правды, а упрекает Зиновьева во лжи. Зиновьев обиделся и заявил, что разница между ними в том, что он «решил твердо и до конца в эту последнюю минуту сказать всю правду, между тем как Смирнов принял, как видно, другое решение».

Я позволю себе, товарищи судьи, предупредить вас против этого утверждения Зиновьева. Не верьте ему, что он действительно говорит здесь всю правду до конца.

Зиновьев и Каменев на ленинградском процессе 15—16 января разыграли очень не плохо одну из сцен своей коварной, вероломной маскировки. В своих об'яснениях (на судебном заседании от 15—16 января 1935 года) Каменев хотел произвести впечатление окончательно и искренне разоружившегося врага, выкладывающего все, что у него есть на душе против правительства и партии. Он тогда припомнил какой-то эпизод, когда Зиновьев что-то утаил из разговоров с Троцким. С пафосом и «неподдельным» возмущением Каменев упрекал Зиновьева в том, что, скрывая этот факт, он не говорит всей правды.

А в то же время и сам Каменев, и сам Зиновьев пытались обмануть нас, обмануть суд и всю страну, доказывая, что они никакого отношения не имеют к убийству Сергея Мироновича Кирова. Так же, как сейчас, буквально теми словами, что и вчера, Зиновьев и Каменев тогда клялись в том, что они говорят всю правду. Можно сказать, что процесс 15—16 января 1935 года для Каменева и Зиновьева был своего рода репетицией нынешнего процесса, которого они, может быть, не ожидали, но от которого они, как от судьбы, не ушли.

Я еще вернусь к этим «замечательным» показаниям, данным на суде в Ленинграде, сейчас я говорю об этом только для того, чтобы предупредить вас, — а через вас, через суд, и всю страну, — не только против Каменева и Зиновьева, но и против всех других двурушников, изменников и предателей, к сожалению, имеющихся еще в наших рядах, говорящих о своих раскаяниях, отмежевывающихся, маскирующихся для того, чтобы лучше организовать удар в спину нашей партии, нашей страны, нашему великому делу.

Ни малейшего доверия этим патентованным и прожженным обманщикам!

Они и сами понимают, что не заслуживают его. Я спросил Зиновьева при его допросе: «а сейчас вы всю правду говорите?» — «Сейчас я говорю всю правду до конца».

Но где же доказательства этого, как им можно верить, когда они превзошли все представления о вероломстве, коварстве, обмане, измене, предательстве?

Зиновьев довел это коварство до того, что после убийства Сергея Мироновича Кирова послал в «Правду» некролог. Единственное, что он сказал здесь по этому поводу: «этот некролог не был напечатан, насколько я помню». И все.

Вот этот некролог, он у меня в руках. Он датирован Зиновьевым, если я не ошибаюсь, то ли 4, то ли 7 декабря, вероятней всего 4-го декабря.

Этот некролог, посвященный тов. Кирову, вы, Зиновьев, назвали: «Человек-маяк». Как же вы начали свой некролог, который вы предназначали для печати и который, следовательно, должен был стать достоянием всей нашей общественности?

«Это можно наблюдать в течение всех 17 лет нашей революции, в каждый момент, когда враг изловчался нанести тот или другой удар большевикам... Так бывало, когда врагу удавалось наносить чувствительный удар на полях гражданской войны, так бывало...» и т. д. и т. д.

И дальше Зиновьев писал: «Горе партии есть горе всего народа, всех народов СССР. Траур партии есть траур всей великой страны... Весь народ ощутил горечь утраты».

Это верно, что горечь утраты и возмущение предательским выстрелом охватило всю страну. Это чувство действительно испытывает вся страна от мала до велика.

Но вас-то это в какой мере касается?

«Злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова всколыхнуло поистине всю партию, весь Советский Союз». «Потеря этого любимого и родного человека всеми ощутилась, как потеря своего, близкого, безгранично дорогого...».

Вот что писали вы, подсудимый Зиновьев, в этой страшной и позорной статье! Почему потеряла партия близкого, бесконечно дорогого С. М. Кирова, обвиняемый Зиновьев? Потому потеряла партия этого близкого нам человека, что вы, обвиняемый Зиновьев, убили Кирова, вы убили его своими собственными руками, на которых у вас краснеет кировская кровь!..

«Любимый сын партии», — писали вы. Какое наглое кощунство!

«Сын рабочего класса — вот кем был этот человек-маяк», «наш дорогой, глубокий, крепкий... ему нельзя было не верить, его нельзя было не любить и им нельзя было не гордиться».

Вот как писал Зиновьев, переходя всякие границы цинизма!

Вот этот человек. Его любил, гордился им и убил его! Злодей, убийца оплакивает свою жертву! Где и когда еще происходило что-либо подобное!

Что можно сказать и какие слова можно подобрать, чтобы исчерпать всю низость и мерзость этого факта: кощунство! вероломство! двурушничество! коварство!

Вы, именно вы, Зиновьев, своей кощунственной рукой погасили этот маяк, и вы же стали публично и притворно рвать на себе волосы для того, чтобы обмануть людей.

Кого вы убили? — Вы убили великолепного большевика, пламенного трибуна, опасного для вас человека, беззаветно боровшегося за ленинские заветы и вместе с тем против вас. Вы убили этого человека секундным выстрелом подлейшей руки Николаева, а через два-три дня вы же посылаете статью в «Правду» и пишете о «погасшем маяке». Где же найти слова, чтобы дать оценку этим подлейшим выходкам! — в своем лексиконе я не в состоянии найти этих слов!

Перейдем к Каменеву — второму столпу так называемой зиновьевской группы, к этому притворщику «в ослиной шкуре», о которой он сам говорил на XVII с'езде партии.

Я прошу суд обратить внимание на статьи Каменева, опубликованные в 1933 г. Эти статьи Каменев писал почти одновременно с Зиновьевым по взаимному соглашению. Каменев публикует в «Правде» статью, где он так же, как Зиновьев, отказывается от своих заблуждений, клеймит свои ошибки, где он говорит, что «важнейшей фигурой оппозиции стал человек, десятки лет боровшийся с Лениным» и т. д. и т. п. «Ясно, — писал в этой статье Каменев 25 мая 1933 года, — что сопротивление политике, возглавляемой товарищем Сталиным, исходило из тех же предпосылок, которые заставляли членов партии в октябре 1917 г. выступить противниками политики Ленина». Плача и стеная, Каменев старается доказать свой разрыв со старыми друзьями и заканчивает статью призывом отбросить всякое сопротивление, мешающее делу строительства социализма.

Это было в мае 1933 года. А летом 1933 года, после возвращения Каменева и Зиновьева из ссылки, на квартире Зиновьева состоялось совещание троцкистско-зиновьевского центра для организации террористических актов против руководителей партии и советской власти.

Спрошенный здесь об этом, Каменев был очень краток. Между нами произошел диалог, который я позволю себе напомнить. Я спрашивал:

«Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году и в которых выражали преданность партии. Обман?

Каменев: Нет, хуже обмана.

Вышинский: Вероломство?

Каменев: Хуже!

Вышинский: Хуже обмана; хуже вероломства — найдите это слово. Измена?

Каменев: Вы его нашли!»

Дальше он говорил, что делал это не только по соглашению с Зиновьевым, что эти его поступки имели место во исполнение заранее выработанного плана захвата власти, который сочетался с необходимостью завоевания доверия.

Маленькая подробность, которая имеет некоторое значение для определения морального, если угодно идеологического, уровня обвиняемого Каменева, для характеристики интересов, которыми он жил в то время, для характеристики его некоторых исходных нравственных позиций.

Я позволю себе сослаться на одну книжку Макиавелли (том 1-й). Она издана в 1934 г. издательством «Академия», которым руководил тогда Каменев, с предисловием Каменева. Очень интересная книга. Она была написана в XVI веке. Автор написал эту книгу для князя, поучая его науке управления государством в соответствии с его княжескими интересами: Макиавелли писал: «Вы должны знать, что бороться можно двояко: один род борьбы — это законы, другой — сила; первый свойственен человеку, второй — зверю.

Так как, однако, первого очень часто недостаточно, — приходится обращаться ко второму. Князю необходимо владеть природой как зверя, так и человека».

Каменеву это очень понравилось, и он написал в кратком предисловии к этой книге несколько следующих интереснейших слов: «Мастер политического афоризма и блестящий диалектик...» (Это Макиавелли, по Каменеву, диалектик! Этот прожженный плут оказывается диалектиком!) ...«Мастер политического афоризма...» Хорош афоризм! Макиавелли писал: действовать при помощи закона — это свойственно людям, при помощи силы — это свойственно зверю; следуй этой звериной политике, и ты, — говорит Макиавелли, — достигнешь своих целей. И это подсудимый Каменев называет «мастерством политического афоризма».

Послушаем, что пишет Каменев дальше: «...диалектик, почерпнувший из своих наблюдений твердое убеждение в относительности всех понятий критериев добра и зла, дозволенного и недозволенного, законного и преступного...» По Каменеву это, очевидно, и есть диалектика: смешать преступное с непреступным, законное с незаконным, добро со злом, — в этом новое «марксистское» об'яснение диалектики на примере Макиавелли.

«Макиавелли, — писал Каменев в 1934 г., — сделал из своего трактата поразительный по остроте и выразительности каталог правил, которыми должен руководиться современный ему правитель, чтобы завоевать власть, удержать ее и победоносно противостоять всем покушениям на него». Хорош у вас, Каменев, был учитель, но вы (в этом надо вам отдать должное) превзошли своего учителя.

Дальше вы пишете в этом предисловии:

«Это — далеко еще не социология власти, но зато из-за этой рецептуры великолепно выступают зоологические черты борьбы за власть в обществе рабовладельцев, основанном на господстве богатого меньшинства над трудящимся большинством».

Это — так. Но вы хотели эти методы борьбы и принципы борьбы, достойные рабовладельцев, перенести в наше общество, применить против нашего общества, против социализма. «Так, — пишете вы, — этот секретарь флорентинских банкиров и их посол при папском дворе — вольно или невольно — создал снаряд громадной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих...» Вы, Каменев, перенесли эти правила Макиавелли и развили их до величайшей беспринципности и безнравственности, модернизировали и усовершенствовали их.

Я вас не прошу, товарищи судьи, рассматривать эту книгу в качестве одного из вещественных доказательств по данному делу. Я вовсе не оперирую этой книгой для того, чтобы доказывать виновность подсудимых в тех преступлениях, в которых они обвиняются. Я просто счел необходимым отдать этому обстоятельству несколько минут внимания для того, чтобы показать тот идейный источник, которым питались в это время Каменевы и Зиновьевы, пытающиеся еще и сейчас на процессе сохранить благородный вид марксистов, умеющих мыслить и рассуждать в соответствии с принципами марксизма.

Бросьте эту шутовскую комедию. Откройте наконец и до конца свои настоящие лица. Здесь о книге Макиавелли Каменев говорит, как о снаряде огромной взрывчатой силы. Очевидно, Каменев и Зиновьев хотели воспользоваться этим снарядом, чтобы взорвать и наше социалистическое отечество. Просчитались. И хотя Макиавелли перед ними щенок и деревенщина, но все же он был их духовным наставником. Вы из «макиавеллизма» и азефовщины черпали для себя источник вашей деятельности и ваших преступлений. Теперь это разоблачено самими Зиновьевым и Каменевым: убийства, коварство, вероломство и маскировка были одним из основных, решающих методов их преступной деятельности.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и цинично, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорили здесь и другие подсудимые, и думаю, что характеристика этих методов достаточно исчерпана представленными мною материалами. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда, очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для составления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренней политики исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражением СССР в войне, их метод — вероломством, коварством, изменой.

Контрреволюционная террористическая деятельность троцкистов-зиновьевцев полностью доказана

Я перехожу ко второй части своей обвинительной речи, к практической деятельности так называемого об'единенного центра и к характеристике роли в этом преступном заговоре против советской власти каждого из подсудимых.

Не подлежит никакому сомнению, что об'единение зиновьевских и троцкистских контрреволюционных групп, состоявшееся осенью 1932 года, возникло и окрепло на почве и на основе взаимного признания террора в качестве единственного и решающего средства борьбы за власть, — борьбы, которая тогда была основной и главной задачей и троцкистов и зиновьевцев.

Организация была. Подпольная, контрреволюционная террористическая группа была. Существовала и действовала. Как бы Смирнов ни пытался здесь оспаривать это, ему оспорить это не удастся. Слишком сильны факты, слишком много данных для того, чтобы мы, обвинение, имели полное основание утверждать, что такая подпольная, контрреволюционная, троцкистско-зиновьевская группа была; что эта террористическая организация была создана; что она именно была создана, как террористическая; что она развернула свою деятельность именно как террористическую деятельность; что она подготовляла террористические покушения и что одно из этих покушений, к нашему величайшему несчастью и ужасу, — злодейское убийство 1 декабря 1934 года Сергея Мироновича Кирова — она и осуществила. Это самое ужасное из всех преступлений, которое удалось осуществить этой организации.

В январе 1935 года мы судили «Московский центр» в связи с состоявшимся незадолго, за две недели до этого, судебным процессом над так называемым «Ленинградским центром», по которому были осуждены и расстреляны Николаев Л., Котолынов, Румянцев, Сосицкий и ряд других. Мы тогда еще не знали всех подлинных и действительных авторов, подстрекателей и участников этого чудовищного злодеяния. Мы тогда стояли на верном пути. Следствие, руководимое НКВД, шло по правильному и верному пути разоблачения настоящих организаторов этого преступления, хотя состояние добытых доказательств лишало нас возможности пред'явить тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову, Бакаеву прямое обвинение в организации этого убийства, в руководстве этим убийством, в осуществлении этого убийства.

В приговоре по делу так называемого «Московского центра», в котором главную роль играли Каменев, Зиновьев, Евдокимов и некоторые другие, об их роли было сказано лишь то, что они разжигали лишь террористические настроения своих сообщников, что они создавали об'ективную почву, на которой должно было неизбежно вырасти и в действительности выросло это преступление.

Будучи абсолютно об'ективным, следствие и обвинительная власть не пред'явили тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву обвинения в прямом подстрекательстве, прямой организации этого убийства. В обвинительном заключении было сказано, что следствием не установлено этого прямого их участия. Однако все данные, бывшие в руках следственных органов, позволяли говорить о том, что эти лица — Каменев, Зиновьев, Бакаев и Евдокимов — были тесно связаны с этим преступлением и, как они сами тогда выражались, должны были нести полную моральную и политическую ответственность за него.

В соответствии с этим по делу «Московского центра» и был вынесен сравнительно мягкий приговор в отношении Каменева, Зиновьева, Евдокимова и Бакаева — только лишение свободы.

Каменев, Зиновьев, Евдокимов и Бакаев сделали все, что только можно было, для того, чтобы извратить действительное положение вещей, скрыть подлинных организаторов и соучастников преступления. Они пытались изобразить дело так, что руки своей они к этому грязному и подлому делу не приложили. При этом, говоря высоким стилем, они заявляли, что контрреволюция избрала их орудием своей преступной деятельности. Не они избрали контрреволюцию орудием своей борьбы, а контрреволюция избрала их своим орудием...

И Зиновьев, и Каменев, и Бакаев, и Евдокимов пытались всячески уверить и доказать, что, кроме моральной и политической ответственности, они никакой другой ответственности за это злодейское убийство нести не могут, но эту ответственность они якобы полностью и честно готовы нести и признают правильность и обоснованность пред'явления им обвинений в этих пределах.

На суде 15—16 января 1935 г. Зиновьев говорил: «на скамье подсудимых сидит нас много, больше 15 человек, с различными биографиями. Среди нас много таких, которые в рабочем движении участвовали немалое количество лет. Многое они делали по доверию ко мне, и я за это, конечно, должен себя казнить... Свою задачу в этой стадии я вижу в том, чтобы до конца, чистосердечно и искренне перед судом рабочего класса раскаяться в том, что я понимал, как ошибку и преступление, и рассказать это так, чтобы это кончилось раз и навсегда с данной группой...»

Я уже говорил о том, что это заявление Зиновьева было игрой, маневром, тактическим приемом.

Так обычно поступают уголовные преступники. Обвиняемый в убийстве с грабежом признается только в грабеже. Обвиняемый в грабеже признается только в краже. Обвиняемый в краже признается

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМ. НА 4-й СТР.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Речь государственного обвинителя, прокурора СССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО

ПРОДОЛЖЕНИЕ

только в хранении краденого. Это—обычные уловки уголовных преступников: перед лицом более тяжелых преступлений признаваться в более легких преступлениях. Это — способ замести действительные следы в расчете на доверчивость людей, которые позволяют еще себе во многих случаях, даже в уголовных делах, относиться с доверием к уголовным преступникам.

Эту позицию занял и Зиновьев. Аналогичную позицию заняли — и это не будут они отрицать — Каменев, Евдокимов и Бакаев. Пойманные в 1935 г. почти с поличным, эти люди признавали себя ответственными за меньшее преступление для того, чтобы избежать ответственности, настоящей ответственности за большее преступление.

Зиновьев говорил о «чистосердечном, искреннем» признании, но этого в действительности не было. Они в действительности делали все для того, чтобы не выдать в руки советского правосудия своих соучастников, чтобы оставить какие-то резервы, чтобы резервы эти можно было в нужную минуту пустить в ход и направить против нашей партии, против руководителей нашей страны.

Этим об'ясняется вся позиция Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева на Ленинградском процессе 15—16 января 1935 года. «Верно,—говорил Зиновьев,—что нас судят по об'ективным чертам». Он говорил, что многих людей, сидевших в то время с ним вместе на скамье подсудимых, он не знал. Зиновьев не знал, оказывается, ни Евдокимова, ни Гертика, ни Каменева, ни Сахова... Зиновьев говорил, что суб'ективно они были «преданы» рабочему классу.

Тогда Зиновьев даже позволил себе утверждать, что и он и они, 15 его соучастников, были суб'ективно якобы преданы рабочему классу и не хотели становиться на путь контрреволюции, а об'ективно получалось у них наоборот. Почему получалось обратное? Я бы хотел, чтобы обвиняемый Зиновьев в своей защитительной речи сказал, как получилось, что суб'ективно он был предан рабочему классу, а об'ективно вышло наоборот. Не может быть этого и так не бывает. Если об'ективно действительно получилось так, то это потому лишь, что ваша, обвиняемый Зиновьев, суб'ективная преданность революции была фальшивой и гнилой. О чем вы думали, когда вы говорили эти речи? Я прошу вас сказать и об этом в своей защитительной речи.

Вы вооружились против советского государства не только злобой, но и огнестрельным оружием. Вы практически осуществляли свои преступные замыслы. Вы сами говорили о двурушничестве, но говорили в то же время об этом так, чтобы скрыть, что и в этот момент вы продолжаете политику двурушничества.

Вы говорили: «я привык чувствовать себя руководителем, для меня играл лично громадную роль именно этот момент». Вы *говорили:*

«я привык чувствовать себя руководителем и, само собой разумеется, я должен был все знать. Если я удален от руководства — это или несправедливость, или недоразумение, или на несколько месяцев. Это не есть оправдание, но я высказываю все то, о чем действительно думаю, и этим самым я *вынимаю из себя последнюю занозу* тех преступлений, которые здесь развораживаются».

«Последнюю занозу» Зиновьев вынул на Ленинградском процессе... Нет, он не вынул, он оставил эту занозу и не одну, а несколько в теле нашей социалистической страны для того, чтобы продолжать готовить и совершать тягчайшие преступления.

Вы *говорили:*

«...я не мыслил иначе: как же это я без кружка своих, без того, чтобы знать все, без того, чтобы быть в гуще политики и т. д.?»

Вот мысль, которая мучила вас — что без вас нельзя... Ваше положение в прошлом определялось делами, как и сейчас ваше положение определяется вашими делами. Подходя к вопросу, был ли центр, вы говорите: конечно, он был до 1929 года. Вы пытаетесь утверждать, что в последующие годы центра не было, что, в сущности говоря, с 1929 года он не действовал. Это обман. Старый зиновьевский центр превратился в центр об'единенного троцкистско-зиновьевского блока. Он реформировался, несколько окреп, ибо произошла консолидация нескольких группировок. С 1932 года он начинает более широко развертывать свою деятельность. В 1933 году он проявляет особенную активность, он подготовляет ряд террористических актов и в 1934 году осуществляет один из них.

Зиновьев говорил, что «это не есть центр, который был в 1926—1927 гг.», и что с этим центром он не имел никакой связи. Как тогда ставил вопрос Зиновьев о связи с ленинградским центром? Он говорил, «что была группа, которая состояла из Котолынова, Мандельштама, Мясникова и др.». Крупную роль играл Котолынов, о чем Зиновьев якобы узнал из обвинительного акта об убийстве Кирова.

Зиновьев хотел уверить, что одного из организаторов этой ленинградской террористической группы он узнал лишь из обвинительного заключения.

Так ли это было в действительности? Не так. Зиновьев посылал Бакаева в Ленинград, чтобы связаться с группой Николаева — Котолынова, чтобы Бакаев проверил, как Николаев, Котолынов, Мандельштам и другие готовили преступление.

Здесь опять-таки обман, ложь, опять-таки маскировка!

«Мы искали с ним сближения». Зиновьев уже в 1935 г. должен был, при всей своей маскировке, признать, что он искал сближения с Котолыновым и Николаевым и нашел это сближение. Теперь это установлено с абсолютной точностью.

Зиновьев рассказывает, что в 1932 г. он виделся с Левиным, расстрелянным в 1935 г. по делу об убийстве тов. Кирова, и добавляет: «организационных разговоров у нас не было. Да в этом и не было особой нужды: меня понимали с полуслова, *я для него был авторитетом, и он для меня* тоже был авторитетом; я знал, что этот человек из группы безвожденцев будет делать так, как мы скажем». Здесь еще содержится ряд полунамеков, полупризнаний, на основе которых впоследствии только, собрав полностью ряд изобличающих Зиновьева улик, можно было обеспечить и полное признание Зиновьевым своего *участия в этом преступлении.* Теперь Зиновьев уже не скрывает того обстоятельства, которое Бакаев вчера усиленно хотел здесь ослабить.

Еще в январе 1935 г. по делу «Московского центра» Зиновьев признал, что Владимир Левин особенно близок был с Бакаевым. А вот вчера Бакаев пытался ослабить эту близость, ослабить ее ссылкою на то, что он ездил к Левину в Ленинград не для конспиративных целей террористического порядка, которые как раз, однако, только и возможны при наличии такой близости. Он все время пытался сказать: вычеркните из показаний и из обвинительного заключения слова «для этой цели». Нет, Бакаев, этого мы не вычеркнем, этого вычеркнуть нельзя, ибо вы ездили «для этой цели» как мастер сих дел, террористических дел, и ездили не случайно!

Почему Зиновьев не послал в Ленинград Рейнгольда, Пикеля, не послал даже Евдокимова? *Почему для переговоров с ленинградской группой,* с группой будущих убийц тов. Кирова, Зиновьев выбрал именно Бакаева? Ответ на этот вопрос я нахожу в об'яснениях Зиновьева и отчасти Бакаева на процессе 15—16 января 1935 г. На Бакаева падает выбор Зиновьева, — потому что Бакаев был наиболее близко связан с Левиным, который был *представителем зиновьевцев в Ленинграде,* который был руководителем ленинградской террористической подпольной организации, что он и сам признал на суде Военной Коллегии в прошлом году. Подтверждение этому мы находим и в показаниях Зиновьева: «знал его особенно близко Бакаев, он был одним из крупных организаторов антипартийной борьбы в Ленинграде...»

Только ли, подсудимый Зиновьев, антипартийной? Антисоветской борьбы, контрреволюционной борьбы, борьбы, которая по самому своему существу носила явно контрреволюционный, противогосударственный, антисоветский характер!

Дальше Зиновьев говорил: «Я ему не давал никаких поручений». Ну это, знаете, такое иезуитство, что дальше итти некуда. Это похоже на то, как один иезуитский монах, когда его спросили: «проходил ли этот человек здесь?»—ответил, показывая пальцем у себя в рукаве: «здесь он не проходил»...

С Левиным вы связи не имели, но вы имели эту связь через Бакаева. Бакаев ездил по вашему поручению. И, следовательно, когда вы говорили «я ему не давал никаких поручений», вы опять обманывали!

Не один Бакаев выполнял ваши поручения. *Все вы — и Каменев, и Зиновьев,* весь ваш центр вел переговоры с Левиным, Котолыновым, Николаевым, Румянцевым, Сосицким, Мандельштамом и рядом других членов этой разгромленной, уничтоженной банды ленинградских зиновьевцев. Весь ваш центр проверял, как ленинградская зиновьевская банда готовила это преступление, с нетерпением ожидая, когда будет, наконец, уничтожен *этот верный сын* нашей партии, руководитель ленинградских большевиков и пламенный трибун Сергей Миронович Киров. И они дождались этого убийства.

Здесь на суде Зиновьев признал, что он форсировал это убийство. Он спешил, он лихорадочно хватался за таких, как Николаев и Котолынов, чтобы поскорее осуществить это убийство. Не последним мотивом здесь было и желание перекрыть троцкистских террористов. Троцкисты нажимали.

Зиновьев признал, что Смирнов тоже торопил. Все они торопились. Троцкисты действовали более решительно и энергично, чем действовали зиновьевцы. Зиновьеву известно было, что из-за границы прибывали троцкистские террористы. И Зиновьев об'явил «делом чести»—позорно употреблять здесь это слово—скорее осуществить свой преступный замысел, скорее, чем это смогут осуществить троцкисты! Отсюда лихорадочное нетерпение Зиновьева. Вот почему он каждый день ждал, когда же, наконец, раздастся предательский выстрел в Ленинграде. Вся его деятельность заключалась именно в том, чтобы возможно быстрее, возможно скорее и возможно успешнее осуществить это свое злодеяние!

Так рисуется роль и поведение в этом деле Зиновьева.

Кончая этот эпизод, я хотел бы теперь получить от Зиновьева прямой ответ: берет ли Зиновьев на себя не только моральную, но всю уголовную ответственность и *притом полную ответственность за подготовку,* организацию и совершение убийства Сергея Мироновича Кирова.

Конечно, Зиновьев скажет «да». Иначе он не может сказать. Он так уже сказал в первый же день процесса, сжатый железной цепью улик и доказательств.

Почти аналогичная позиция была на том же процессе и у Каменева. Аналогичная *позиция была* и у Бакаева. Каменев говорил, что он не знал о том, что был «Московский центр». Желая разыграть благородного человека, он говорит, что, поскольку этот центр был и это доказано, он за него отвечает...

У Каменева так выходило: не знал, что был центр, но если центр был, значит, знал. Но Каменев знал о существовании центра, действительно *знал. Это было доказано.* А теперь это подтверждено новыми доказательствами, которые добыты в связи с открытием ряда новых преступных шаек, действовавших в том же направлении. Доказательства эти пролили полный свет на это кошмарное и страшное дело.

И тогда Каменев пытался показать себя политически ослепшим человеком. Он говорил: я ослеп — дожил до пятидесяти лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказывается, действовал, в котором участвовал действием и бездействием; словом и молчанием.

Какой-то спиритуализм, спиритуализм и черная магия!

Мы это и тогда понимали, как простую попытку прикрыться какими-то фальшивыми словами и под фальшью этих рассуждений скрыть истину. Теперь это все окончательно разоблачено. Нет, Каменев не ослеп. Каменев очень хорошо видел и знал, что он делал. Он прекрасно видел, что делалось вокруг него, потому что он организовал то, что вокруг него делалось. Каменев не ослеп, потому что он действовал и словом и молчанием. Молчанием — когда он не говорил: «не действуйте», когда он обязан был это сказать, и словом, когда он говорил: *действуйте,* когда, может быть, некоторые из младших его помощников колебались и обращались к нему, как к авторитету, как к наставнику.

Каменев заявил:

«Я хочу сказать, не в оправдание свое, раньше я этого не помнил, а теперь вспоминаю, что когда-то мне Зиновьев сказал, что у него был Сафаров и предлагал какой-то блок. Я сказал, что не буду принимать никакого участия ни в каком блоке, так как никогда не верил этому человеку. Это Зиновьев может подтвердить. Я не был против разговора. Я разговаривал».

С кем разговаривал?

«С Толмазовым и Шацким». А Толмазов и Шацкий — это активные члены ленинградской зиновьевской банды, убившей тов. Кирова.

Каменев разговаривал с Толмазовым и Шацким, то-есть с одними из главных организаторов убийства тов. Кирова. Значит, на эти разговоры Каменев шел, ведя эти разговоры через Бакаева. Но это он пытался скрыть.

Доказывая, что он никакого отношения к террору не может иметь, Каменев встал в позу и заявил:

«Я должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не ставил ставку *на боевую борьбу. Я всегда ждал,* что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договариваться с нами, потеснится и даст нам место... Последние два года не было этих мечтаний, не было просто потому, что я не мечтатель и не фантазер. В нашей среде были фантазеры и авантюристы, но я к этой категории не принадлежу».

Я думаю, что сейчас Каменев несколько иначе будет квалифицировать свое участие в этом деле. Что же Каменев ставил своей задачей: ставил ли он ставку на *боевую борьбу или не ставил?*

Тогда он говорил — «нет». Теперь, два дня тому назад, он сказал — «да». Тогда он говорил — «нет», потому что он знал, он видел, что у нас нет еще всех нитей этого кошмарного преступления, потому что тогда, по состоянию следственного материала, не были раскрыты до конца все эти нити. Тогда он говорил — «нет». Сейчас, *когда все уже вскрыто, он говорит* — «да».

Характерный факт! Он свидетельствует, какую большую, решающую роль играли в этой преступной Каменевской «работе» личные мотивы. Каменев думал, что должно притти такое время, когда ЦК потеснится и даст ему там место. А ежели не потеснится? И не освободит ему там место? Тогда он, Каменев, примет меры, чтобы место это освободилось.

Вот вся логика и политика Каменева! Логика и политика, которые никак не позволяют согласиться с тем, что он не принадлежит к категории людей, которых он сам назвал авантюристами. Нет. Он принадлежит, очевидно, к этой категории людей, как и к другой категории — к «фантазерам». Фантазии тут не мало. А желания претворить эту фантазию в практику, в жизнь, в живое дело, хотя бы путем авантюр, через блок со шпионами, диверсантами, охранниками, убийцами и путем непосредственных убийств — много, на это Каменев шел, к этому Каменев был готов.

Вот что еще он говорил на ленинградском процессе: «Я говорю перед портретами этих великих строителей социализма...» А надо сказать, что там был и портрет, обрамленный траурной каймою, портрет тов. Кирова Каменев клялся на суде перед *портретом убитого Каменевым Кирова!*

...«перед портретами этих великих строителей социализма я преступник, если у меня нехватило сил самому уйти и увести кого можно было...»

Ложь! Опять лицемерие, коварство, вероломство, цинизм!

Троцкистско-зиновьевский центр убил товарища Кирова

Выше я поставил вопрос: была ли организация, был ли троцкистско-зиновьевский террористический центр? Отвечаю: да, он был, он возник в 1932 году. В его составе были Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский.

Этот центр был и, что самое важное, он сложился по прямому указанию Троцкого, Зиновьева и Каменева. Он сложился по прямой директиве Троцкого о терроре, как *единственном средстве борьбы против* руководства советской страны. Он сложился в условиях сугубой и строгой конспирации. Одного представителя этой конспиративной школы Троцкого—Зиновьева — Каменева мы имели возможность вчера наблюдать здесь в лице подсудимого Гольцмана. На скамье подсудимых в лице Смирнова сидит другой конспиратор. Центр был и действовал; *он пустил в ход не только методы* прямого вероломства, обмана и предательства, но, как теперь это в точности установлено, организовал и установил тайные связи с германскими фашистами, с которыми он спарил германских троцкистов, используя их для борьбы с нашим руководством и используя их связи с германским Гестапо в лице Тукалевских, П. Ольбергов и т. п.

Я считаю абсолютно доказанным личными показаниями буквально всех подсудимых, в том числе в этой части и Смирнова, что этот центр был организован на террористической основе, что центр действовал террористическими методами, не брезгуя самыми грязными и циничными способами борьбы. Я считаю абсолютно доказанным, *что этим центром был подготовлен* ряд террористических покушений на Украине, в Москве и в Ленинграде. Наконец, этим центром было подготовлено и осуществлено в Ленинграде убийство Сергея Мироновича Кирова.

Убийство Сергея Мироновича Кирова входило, как я уже сказал, в общий план подготовлявшихся заговорщиками *убийств руководителей советского государства* и ВКП(б). Это было установлено, между прочим, и показаниями Евдокимова. Я прошу суд обратить внимание на показания Евдокимова от 10 августа, где он говорит, что убийство Кирова было осуществлено по прямой директиве об'единенного центра троцкистско-зиновьевского блока, где он говорит, что в 1934 г. Зиновьев дал ему на этот счет прямую директиву. Бакаев это также подтвердил. Решение об организации убийства Кирова было принято Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и Бакаевым и представителями Троцкого—Мрачковским и Тер-Ваганяном.

Показания Евдокимова, на которые я сейчас ссылаюсь, говорят: «Бакаев, с целью подготовки убийства, был направлен в начале ноября 1934 г., т. е. за несколько дней до совершения Николаевым убийства Кирова в Смольном в г. Ленинграде, для проверки подготовленности этого убийства. Бакаев имел личное свидание с Николаевым, приехал в Москву, сообщил об этом Евдокимову, Зиновьеву и Каменеву, которые с удовлетворением отметили успешный ход подготовки этого злодейского преступления и стали ждать этого выстрела. Бакаев предупредил Николаева и его сообщников, что они должны ждать сигнала Зиновьева, что они должны стрелять в Ленинграде одновременно с тем, как раздадутся выстрелы в Москве и Киеве.

Все это судом теперь доказано. Пусть подсудимые посмеют это оспаривать в своих защитительных речах.

После длительного запирательства на предварительном следствии, Зиновьев дал ряд показаний, о которых я говорил выше. Характерная деталь. Еще осенью 1932 г. на даче у Зиновьева и Каменева (у них была совместная дача, которую, кстати сказать, Каменев однажды назвал источником своих бедствий) было поручено Бакаеву подготовить террористический акт против товарища Сталина, а Кареву — против тов. Кирова, но потом положение изменилось, так как Карев оказался арестованным, а Каменев и Зиновьев оказались в ссылке.

Наступил 1933 г. — год оживления террористических настроений, год возобновления деятельности троцкистско-зиновьевского центра, и вот уже здесь дается поручение Бакаеву и начинается основательная подготовка к убийству тов. Кирова.

Каменев говорит: «я не знал, как практически шла эта подготовка, потому что практическое руководство по организации этого террористического акта осуществлял не я, а Зиновьев». Обвиняемый Каменев, вам было известно, что Бакаев ездил в Ленинград проверять, как там шла подготовка? Да, было известно. Вам было известно, как Бакаев, проверив и убедившись, что все идет успешно, приехал в Москву и доложил вам *о ходе подготовки?* Было известно. Как же после этого вы позволяете себе говорить, что вы не принимали практического участия в осуществлении убийства Кирова! Ваша попытка свалить все это на Зиновьева — просто недобросовестна.

Каменев говорит так: «было решено» убить, и добавляет—«я к этому решению присоединился». Разве это не *практическое осуществление?*

Бакаев упорно запирался на предварительном следствии и отрицал свою роль в подготовке убийства Кирова, но его изобличил Карев, который напомнил ряд фактов, и тогда уже, после этого, Бакаев признался. Именно поэтому—в виду полного сознания Бакаева я и отказался от допроса Карева на суде.

Убила Сергея Мироновича Кирова рука Николаева, Котолынова, его группа. Но кто убил? Я спрашивал Зиновьева: Когда организовался об'единенный центр? Зиновьев ответил: Летом 1932 года. — В течение какого времени он действовал? Зиновьев: Фактически до 1934 года...

На этом вопросе я хочу остановиться подробнее. В 1932—33 гг. Каменев и Зиновьев были в ссылке, а центр действовал. Известно, что в 1934 году не был на свободе и Смирнов, он был арестован 1 января 1933 года, а центр действовал. И *Зиновьев подтверждает,* что центр действовал. Я делаю вывод, что если действовал центр, то это благодаря хорошо организованной технике связи, которая позволяла даже не находящимся на свободе, как, например, Смирнову, принимать участие в руководстве работой этого центра.

Я знаю, что Смирнов будет защищаться тем, *что он от центра отошел: «я же* ничего не сделал, я же сидел», скажет Смирнов. Наивное утверждение! Смирнов сидел с 1 января 1933 года, но мы знаем, что Смирнов организовал из тюрьмы связь со своими троцкистами, так как был обнаружен шифр, которым Смирнов сносился из тюрьмы со своими товарищами. Это свидетельствует о том, что связь была, *и Смирнов этого отрицать не может.*

Но и это не решает вопроса, ибо в конце концов для нас важно, что Смирнов, как и Зиновьев и Каменев, ответственен за всю деятельность центра и всей той террористической группы, которая была организована, построена и действовала под его руководством еще в то время, когда они были на свободе. Смирнов, Зиновьев, Каменев — они были организаторами центра; они дали направление деятельности своих террористов, всех этих Пикелей, Дрейцеров и других. Они же в полной мере и должны отвечать за это, независимо от того, находился ли кто-либо из них в это время на свободе или нет. Это элементарно, и на этом подробно, я думаю, можно не останавливаться. Как руководители, они должны отвечать за всю преступную деятельность руководимой ими организации и всех тех групп, которые возникли на вспаханной ими почве.

В чем выражалась деятельность центра? Зиновьев сказал: «Главное заключалось в подготовке террористических актов против руководства партии и правительства». Я спросил: Против кого? Зиновьев ответил: Против руководителей. Я спросил: То-есть против Сталина, Ворошилова и Кагановича? Это ваш центр организовал убийство Кирова? Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова вашим центром или какой-нибудь другой организацией?

Зиновьев: Да, нашим центром.

Я спросил: В этом центре были вы, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян?

Зиновьев: Да.

На мой вопрос: Значит, вы организовали убийство Кирова?

Зиновьев ответил: Да.

За это преступление и должны отвечать Зиновьев и Каменев, и Смирнов, и Мрачковский, и Тер-Ваганян, и все остальные.

Наиболее упорно запирается Смирнов. Признал себя виновным лишь в том, что *был руководителем троцкистского* подпольного контрреволюционного центра. Правда, он сказал это в несколько юмористической форме. Обратившись к Тер-Ваганяну, Мрачковскому и Дрейцеру, он им сказал: «Вы хотите вождя? Ну, возьмите меня». Но вы, обвиняемый Смирнов, и были таковым. Смирнов был руководителем троцкистского подполья. Не случайно Зиновьев и Каменев *рассматривали его как представителя* Троцкого, как заместителя Троцкого, как действительного руководителя всего троцкистского подполья. В этом он, в конце концов, и сам признался.

Я не знаю, что Смирнов скажет в последнем слове. Но полагаю, что на основании имеющихся материалов предварительного следствия и материалов судебного следствия *у меня имеются все основания* заявить следующее: 1) обвиняемый Смирнов признал, что он был в течение ряда лет действительным руководителем троцкистского подполья; 2) он признал, что был представителем и заместителем Троцкого в СССР; 3) он признал, что в 1931 г. был в Берлине и встретился там с Седовым, и 4) он признал, что Седов сообщил ему о террористических задачах и дал террористические установки.

Правда, Смирнов отрицает, что это была установка Троцкого. Он говорит, что это было «личное мнение» Седова. Однако, приехав в СССР, он это «личное мнение» Седова счел необходимым передать своим товарищам по подполью...

Мы его спросили: где же логика? Если это было личное мнение Седова, да еще такое, с которым Смирнов был не согласен, как он утверждал, зачем ему было это передавать другим членам подполья? Передавать, *да еще не говорить, что он не согласен.* Все его товарищи по контрреволюционному подполью уличают его, что он не заикнулся о своем несогласии с этой установкой. Что же следует в таком случае считать установленным? Встреча с Седовым в 1931 г. была? — Была. Седов — сын Л. Троцкого — является его ближайшим и первым помощником во всей его *политической деятельности? — Является.* Во время этой встречи Седов со Смирновым говорил? — Говорил. Это Смирнов признает. Говорили о терроре?—О терроре. И это Смирнов признает. Что же касается того, как понял Смирнов Седова, то для обвинения, в конце концов, это совершенно безразлично. Если Смирнов понял разговор с Седовым не как установку, ему незачем было передавать ее товарищам по своей подпольной группе. Если он этот разговор передал и не сказал о своем несогласии с ним, значит это была «установка», и иначе и быть не могло.

Смирнов говорит, что он не был согласен с этой установкой. Однако, если он не был согласен с нею, он, как достаточно опытный подпольщик, фракционер и контрреволюционер, должен был понимать, что он обязан был порвать с этой группой, уйти от этой группы. Иначе он не был бы политическим деятелем, тем более руководителем подполья. А ведь Смирнов был не просто рядовым членом троцкистской группы, Смирнов—это не Гольцман. Гольцман—это ухудшенное издание Смирнова, но Смирнов — не Гольцман. Смирнов — это Смирнов. Он — руководитель. Как же руководитель остается участником подпольной группы, не будучи согласен с основной линией этой группы! А основная линия этой группы — террор. И если он говорит, что в 1931 г. он слова Седова не понял, как установку, а принял их, как его личное мнение, то в 1932 г. он получил уже непосредственную установку от Троцкого через Юрия Гавена. В это время он уже не мог более ссылаться на то, что его было чье-то «личное мнение», да, ибо если это и была действительно «личная» установка, то установка Троцкого!

От личной установки Седова лежит прямой путь к установке Троцкого. Нет никаких личных установок! Есть троцкистское решение, линия Троцкого на террор! Вы, Смирнов, ее получили в 1931 году и в 1932 г. Получили директиву и от Дрейцера, не лично, но я глубоко убежден, что вы знали о ней, хотя и сидели в политизоляторе.

В 1932 г. вы получили директиву Троцкого от Гавена. Троцкий прямо говорит: террор, убрать Сталина, убить Ворошилова, убить руководителей партии и правительства. Вы, Смирнов, это указание получили. Вы говорите: я получил его, но не принял. Если вы не приняли и если вы в какой-нибудь мере все-таки сохранили в себе понятие политической чести, то вы не могли в 1932 году, выслушав это указание Троцкого, пересланное вам через Гавена, не порвать с троцкистской организацией. Вы это понимаете, поэтому вы и говорите — я порвал, я ушел. Но кому вы сказали, что ушли? Никому не сказали. Не знал об этом Мрачковский, не знал об этом Тер-Ваганян, не знала об этом даже Сафонова. Никому вы не сказали! Никто не знал!

Следовательно, мы не имеем никакого права доверять этим вашим утверждениям. Мы можем утверждать, что вы в 1932 году получили от Троцкого директиву о терроре и вы ее приняли. Вы не были бы Смирновым, если бы оставались в троцкистской группе, не будучи согласны с основной установкой этой группы, не будучи согласны с установкой такого авторитета, каким являлся для вас Троцкий. Мы знаем, что в своей защитительной речи вы будете проклинать Троцкого. Вам никто не поверит потому, что вы на этом суде не сказали и не хотите сказать и двух слов правды о своей работе в террористическом центре. Вы даже вчера хотели скрыть роль Путна. Вы хотели сохранить резерв, который, может быть, не будет окончательно разоблачен. Вы хотели сохранить резерв для Троцкого, для вашего проклятого троцкистского подполья!

Я считаю, что все приведенные мною обстоятельства позволяют установить следующее в отношении Смирнова.

Первое. Смирнов был членом об'единенного центра троцкистско-зиновьевской террористической организации. При его участии этот центр был организован. Следовательно, он — один из важнейших организаторов центра.

Второе. Он организовал этот центр на основе директивы Троцкого, полученной им в 1931 году. Он придал этому центру террористический характер и террористическое направление его деятельности.

Третье. В 1932 году Смирнов получил от Троцкого вторую директиву. Это с бесспорностью установлено. Все попытки Смирнова доказать, что, получив эту директиву, он не присоединился к ней, хотя в то же время оставался в рядах троцкистского подполья, шиты белыми нитками.

Товарищи судьи, есть еще одно очень важное обстоятельство. Можно так поставить вопрос: ну, террористическая основа, ну, террористические настроения, разговоры о том, что террор есть единственное средство, — но как обстоит с организацией практических мероприятий, направленных *на сколачивание террористических групп,* на осуществление террора?

Тер-Ваганян говорил, что шла такая работа по сколачиванию террористических групп, но это была подготовительная работа, которая не выходит за пределы подготовки. Разве в действительности только так обстояло дело?

Конечно, не так. Зиновьевцы пошли за *троцкистами и, в частности,* за Смирновым, который убежденно и горячо настаивал на скорейшем осуществлении террора, и не вообще на осуществлении террора, а на осуществлении террора против товарищей Сталина, Кирова, Ворошилова и других наших руководителей. Ведь товарищ Сталин и тов. Киров разгромили эту бесчестную оппозицию. Поэтому вполне понятно, что Смирнов, этот последовательный и вполне убежденный, непримиримый троцкист, должен был направлять всю силу своих организационных способностей на то, чтобы подготовить убийство раньше всего руководителей ЦК нашей партии, руководителей нашей страны. Смирнов убеждал Зиновьева: давайте поскорее осуществим террористический акт, давайте поскорее убьем Сталина, Кирова и Ворошилова. А Зиновьев, петушком поспевающий за троцкистами, волнуется, кипятится, как бы не отстать...

Смирнов убеждал Зиновьева с убийством поторопиться. С платформой он не торопится. Он говорит: в один присест можно ее составить. Зачем платформа, когда есть более верное, по их мнению, средство,—убийство! Смирнов наметил и дал в руки своим агентам конкретный план организации террористических актов. Убийство тов. Кирова было совершено в осуществление этого плана, за который Зиновьев, как и Каменев, Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян должны нести полностью ответственность перед советской страной, перед советским народом, перед советским пролетарским судом.

Маска с обвиняемых сорвана

Я считаю, что вина Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева полностью установлена и что я могу освободить себя от обязанности перечислять многочисленные факты и подвергать анализу материал судебного следствия, изобличающий их в полной мере. Я хочу подчеркнуть лишь, что рядом с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым должны стоять Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский. Они должны стоять плечом к плечу. Они вместе направляли свою преступную деятельность против нашего правительства, вместе убивали Кирова, а поэтому вместе и полностью должны за это и отвечать.

Смирнов прекрасно понимает это и поэтому он занял позицию отрицания. Сначала он все отрицал: он отрицал наличие троцкистской организации, он отрицал наличие центра, он отрицал свое участие в центре, он отрицал связь с Троцким, он отрицал какие-либо нелегальные задания, которые он давал даже в 1936 г., а мы знаем, что этот большой конспиратор сумел организовать передачу преступных указаний своим сторонникам, даже будучи изолирован. Он все отрицал—он отрицал наличие троцкистского центра в 1931 г., он отрицал существование такого центра в 1932 г.—он все отрицал. Весь его допрос от 20 мая состоит из одних слов: «я это отрицаю, еще раз отрицаю, отрицаю». Это единственно, что ему оставалось делать.

Обвиняемый Смирнов, вам изменил ваш опыт, вам изменило ваше искусство обманывать. Будучи изобличены показаниями Сафоновой, Мрачковского, Тер-Ваганяна, вы вынуждены были признать, что центр был, что вы были членом центра. Ваше отрицание вам не помогло. Вы отрицали и говорили, что никакой директивы о терроре не получали, но вас в этом изобличил Гавен, и вы признали, вас изобличил Гольцман, который получил поручение от Троцкого передать вам лично, и только вам, директиву о том, что сейчас необходимо перейти к террору. «Сугубо законспирированный троцкист» Гольцман говорит, что он это поручение получил, но не передал, и вы думаете, что этому можно будет поверить. Нет, этому никто не поверит.

Гольцман занял такую же позицию, что и Смирнов, — я признаю все, кроме терро-

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 5-й СТР.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Речь государственного обвинителя, прокурора СССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО

ОКОНЧАНИЕ

ра,—потому что он знает, что за террор может свалиться с плеч его голова. В терроре Смирнова изобличили и Гольцман, и Мрачковский, и Сафонова, и Дрейцер.

21 июля вы, Смирнов, дали несколько иные показания, т. е. вы вначале отрицали получение какой-либо директивы об организации террора от Троцкого, а здесь вы это признаете. С отрицанием у вас не вышло.

На очной ставке с Мрачковским вы продолжали отрицать получение директивы от Троцкого и дачу Мрачковскому поручения организовать террористическую группу. Мрачковский вас стыдил, говоря: «что же вы, Иван Никитич, из грязного кровавого дела хотите выйти в белой рубашечке». Я могу это повторить: «Неужели вы думаете, подсудимый Смирнов, что вы из этого кровавого дела выйдете невредимым?» Вы на слова Мрачковского ответили: «Выдумка и клевета», а потом вы все же коечто признали.

Ведь вы признали, что блок был организован на базе необходимости террора и таким образом вы являлись одним из организаторов террористического центра. Вы получили от Троцкого директиву о терроре. Вы развили на этой основе террористическую преступную деятельность, правда, вам немножко помешал участвовать в осуществлении этой деятельности ваш арест. Но все же вы помогали этому делу всячески, как только могли.

Я хочу напомнить, что очная ставка с Сафоновой на предварительном следствии, в основном воспроизводящая то, что мы имели здесь на суде, очень характерна. Смирнов не решается отрицать доказательств, приводимых Сафоновой, он измышляет каучуковую форму лжи, он знает, что Сафонова клеветать не будет. Сафонова—его бывшая жена, с которой он никаких счетов не имеет, и на личные счеты он сваливать не может. Он говорит: «не помню», «очевидно, такой разговор мог быть». Его спрашивают: был разговор об организации террора? «Не был, а мог быть». Такая же животная трусость им руководит сейчас, когда он, маскируясь, говорит: «мне на это нечего отвечать». Но 13 августа он вынужден был признать, что в 1932 г. этот разговор был, что он, Смирнов, за это несет полную ответственность и сейчас он от этой ответственности уклоняться не собирается.

Я хочу перейти к Тер-Ваганяну. У него вначале тоже была такая позиция отрицания, но 14 августа он дал более правдивые показания. Суммируя его показания и все поведение на суде, можно притти к нескольким твердым выводам: можно считать установленным, что Тер-Ваганян был членом троцкистско-зиновьевского центра, что он принимал деятельное участие в организации этого центра, что он задания центра осуществлял на основе директивы Троцкого, которая была получена через Смирнова и о которой ему было известно от Смирнова. Он пытается утверждать, что фактически ничего не сделал. Но я должен заранее сказать, что если бы он и «не сделал ничего», то и то, что он сделал, достаточно, чтобы дать ему статью 58—8, 19—58—8, 58—11 Уг. Кодекса.

Моисей Лурье и Натан Лурье. Мы здесь слышали показания Натана Лурье о том, как он прибыл сюда и с какими целями, какую он развернул работу по подготовке террористических актов под руководством Моисея Лурье, как он явился по сути преемником той группы, которая до него уже была сколочена здесь Францем Вайцем, фашистским агентом и доверенным лицом Гимлера, начальника фашистской черной охранки, начальника германских охранных отрядов, а впоследствии начальника германского Гестапо.

Вы помните все их показания, и я полагаю, что на этом можно подробно не останавливаться. Полностью, категорично и бесспорно доказана подготовка террористических актов Натаном Лурье и Моисеем Лурье. Они полностью должны нести ответственность за это преступление!

Когда я говорил о тех методах, при помощи которых действовали эти господа, я показал, стараясь показать, как глубоко и низко было падение этих людей, и моральное и политическое. И, может быть, одно из наиболее ярких и характернейших доказательств безграничного морального падения этих людей, у которых нет даже тех моральных, хотя и в кавычках, устоев и тех правил поведения, которые существуют даже у закоренелых преступников и бандитов, это то, о чем говорил здесь Рейнгольд. Я говорю об их плане уничтожения следов злодейских преступлений.

Разве случайно, товарищи судьи, они, рассчитывая на успех своего злодейского плана, намечали председателем ОГПУ никого другого, как Бакаева? Именно Бакаева, который известен, как злобный пенавистник, как человек решительный, как человек настойчивый, упорный, с очень большой волей, с громадным характером и выдержкой, человек, который не способен останавливаться ни перед какими средствами для достижения тех целей, которые он перед собой поставил!

Если некоторые из обвиняемых совершенно спокойно намечали себе путь к власти через горы трупов лучших людей нашей советской земли, то едва ли Бакаев был здесь не самым решительным и не самым неумолимым исполнителем этого плана! Именно этот человек и предназначался в качестве председателя ОГПУ в случае успеха заговора.

Я не останавливаюсь на смехотворном распределении портфелей между заговорщиками и террористами. Я подчеркиваю только еще раз, что никто другой, а только Бакаев намечался на пост председателя ОГПУ. Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити о подготовляющемся государственном заговоре, и поэтому они считали важнейшей задачей назначить Бакаева председателем ОГПУ. Он должен был перехватить эти нити, а затем уничтожить их, как и самих физических исполнителей их поручений.

Первую часть Каменев и Зиновьев не отрицают, а вторую часть отрицают. Она слишком кошмарна, и Зиновьев сказал, что это из Жюль-Верна. Но разве мы не знаем, что в истории такие примеры бывали? Разве мы не знаем некоторые соседние государства, в которых такие эксперименты были, где участники заговора физически уничтожались рукой организаторов заговора, как это и было с уничтожением Рема и его сподвижников!

Вы сами, подсудимый Зиновьев, говорите, что Бакаев предназначался на пост председателя ОГПУ, чтобы использовать его для уничтожения следов преступлений. Так почему же вы это называете Жюль-Верном? Вы избрали порочный способ защиты.

Это большого значения для дела не имеет, но не в этом вопрос и не в этом суть. Это—один из замечательных штрихов, характеризующих людей, которые претендовали на руководство нашей страны. Это говорит о том, какое счастье, что они своевременно были отстранены от участия в этом руководстве!

Зиновьев и Каменев говорят, что это фантазия, арабские сказки, но позвольте: а убийство зиновьевского секретаря Богдана — это что?! Сказка? Зиновьев не мог ничего сказать по этому поводу, но Рейнгольд это разоблачил, а Пикель это подтвердил.

Бакаеву было указано Зиновьевым на Богдана, как на подходящего для террористических актов человека.

Рейнгольд говорит, Пикель подтверждает, а Бакаев от этого открещивается и прячется. Но это факт, от которого уйти никто не сможет. Рейнгольдом и Пикелем доказано, что «самоубийство» Богдана было в действительности убийством. Оно выполнено было Бакаевым по поручению об'единенного центра! «Ты колеблешься осуществить задание нашего об'единенного троцкистско-зиновьевского центра? Мы тебя убьем или сам убей себя». Так говорил Богдану Бакаев, и Богдан не выдержал.

Это было началом плана, разработанного Зиновьевым и Каменевым на случай успеха террористического заговора. Самоубийство Богдана Зиновьев и Каменев постарались изобразить, как гибель «жертвы» нашего советского режима. Но вы же сами довели Богдана до самоубийства, поставив перед ним дилемму: или итти на террористический акт, или покончить с собой.

Если вы, товарищи судьи, поставите этот эпизод в общую связь со всеми методами борьбы, со всеми методами «работы» этой преступной шайки, вы легко поймете всю правдивость показаний Рейнгольда и Пикеля, которые здесь на суде еще и еще раз разоблачили Зиновьева, Каменева и Евдокимова, как авторов ряда тяжких преступлений.

Взбесившихся псов—расстрелять всех до одного!

Я, товарищи судьи, кончаю. Подходит последний час—час расплаты этих людей за тяжкие преступления, которые они совершили против нашей великой страны. Последний час расплаты этих людей, поднявших оружие против самого дорогого и любимого, что есть у нас, против любимых вождей нашей партии и нашей родины, против Сталина, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Постышева, Косиора и других руководителей нашей страны, победившего, растущего и расцветающего нового социалистического общества. Печальный и позорный конец ожидает этих людей, когда-то бывших в наших рядах, хотя никогда не отличавшихся ни стойкостью, ни преданностью делу социализма.

Еще несколько слов. Некоторые из подсудимых пытались проводить здесь параллель с историческим прошлым, параллель с эпохой «Народной воли», пытались сравнивать кое-кого с героическими террористами, вступившими в прошлом столетии в единоборство со страшным, коварным и беспощадно жестоким врагом — царским правительством. Называли и имя Гершуни, говоря не то о Бакаеве, не то о Смирнове. Это не выдерживает никакой критики.

То была борьба кучки самоотверженных энтузиастов с жандармским исполином, борьба за интересы народа. Мы, большевики, всегда были против террора, но мы должны отдать должное искренности и героизму народовольцев. Гершуни не был большевиком, но и он боролся против царизма, а не против народа.

А вы — кучка подлинных контрреволюционеров, представители передового отряда международной контрреволюции, и выступили вы против передового отряда мировой пролетарской революции! Вы выступили против свободы и счастья народов! Бесстыдное сравнение с эпохой народовольческого терроризма. Тронутый уважением к памяти тех, кто искренне и честно, правда, своими особыми путями и методами, но всегда безупречными, действовал во времена «Народной воли» в борьбе против царского самодержавия за свободу, — я решительно отметаю кощунственную параллель. Повторяю, здесь параллель неуместна. Перед нами — преступники, опасные, закоренелые, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы — вождям советской страны, вождям трудящихся всего мира!

Враг коварен. Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые пред'являет закон в делах о тягчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестнадцать, виновными в государственных преступлениях, применить к ним в полной мере и те статьи закона, которые пред'явлены им обвинением.

Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 22 АВГУСТА

Все утреннее заседание 22 августа было заполнено речью государственного обвинителя, прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского, которая продолжалась четыре часа.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 22 АВГУСТА

После открытия вечернего заседания председательствующий тов. Ульрих обращается к каждому из подсудимых, предоставляя им слово для защитительной речи, поскольку они отказались от защитников. Все подсудимые поочередно заявляют суду, что они не будут произносить защитительные речи, мотивируя это тем, что они воспользуются правом последнего слова. Ряд подсудимых при этом подчеркивает, что они не считают себя вправе защищаться, поскольку они признают выдвинутые против них обвинения правильными.

После короткого перерыва суд приступил к выслушиванию последних слов подсудимых. В течение вечернего заседания произнесли последнее слово подсудимые Мрачковский, Евдокимов, Дрейцер, Рейнгольд, Бакаев и Пикель. (ТАСС).

Рабочие завода «Динамо» им. С. М. Кирова (Москва) слушают сообщение о судебном процессе контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды. Фото М. Калашникова.

Презренные защитники убийц и агентов Гестапо

В Совнаркоме СССР получена следующая телеграмма из Парижа:

«Председателю Совнаркома. Мы сожалеем, что в момент, когда мировой рабочий класс об'единен в своих чувствах солидарности с испанскими рабочими в их защите демократической республики, в Москве начался крупный политический процесс. Несмотря на то, что обвиняемые в этом процессе — Зиновьев и его товарищи — всегда были заклятыми врагами Социалистического Рабочего Интернационала и Международной Федерации Профсоюзов, мы не можем воздержаться от просьбы, чтобы обвиняемым были обеспечены все судебные гарантии, чтобы им было разрешено иметь защитников, совершенно независимых от правительства, чтобы им не были вынесены смертные приговора и чтобы, во всяком случае, не применялась какая-либо процедура, исключающая возможность апелляции.

Председатель Социалистического Рабочего Интернационала **Де-Брукер.**

Секретарь **Адлер.**

Председатель Международной Федерации Профсоюзов **Ситрин.**

Секретарь **Шевенельс**».

• • •

По имеющимся у нас сведениям, Совет Народных Комиссаров Союза ССР не считает нужным отвечать на эту телеграмму. Дело о троцкистско-зиновьевском террористическом центре находится на рассмотрении Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. В установленном процессуальном порядке советский суд вынесет свой приговор троцкистско-зиновьевской банде убийц.

Телеграмма Де-Брукера, Адлера, Ситрина и Шевенельса является грубой попыткой посягнуть на права и обязанности советского суда. Более того, она является политической демонстрацией, направленной против Советского Союза и заслуживающей быть заклейменной перед лицом рабочего класса всего мира.

О ком хлопочут, кого выгораживают, кого хотят спасти Де-Брукер, Адлер, Ситрин и Шевенельс?!

Всему миру известно, что перед Верховным судом предстали заклятые враги советского государства, враги социализма, банда провокаторов и убийц. В ходе следствия доказано, что в своей контрреволюционной террористической работе Троцкий, Зиновьев, Каменев, Смирнов и их банда тесно спелись с германской фашистской охранкой, что они превратились в агентуру Гестапо.

Они годами, систематически и хладнокровно подготовляли убийства тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, руководителей ВКП(б) и советского правительства. Они делали свое грязное дело при прямой помощи фашистов — палачей германского рабочего класса, при прямой помощи фашистского Гестапо. Сами подсудимые подробно признавались на суде, как по директиве Троцкого банда террористов, организованных доверенными людьми Гимлера, готовила убийства вождей рабочего класса СССР, руководителей советского правительства.

Они уже успели убить одного из лучших людей советской страны — Сергея Мироновича Кирова. Руки Троцкого, Зиновьева, Каменева, Смирнова и других обвиняемых покрыты кровью одного из лучших сынов рабочего класса СССР.

На защиту этих убийц подняли свой голос Де-Брукер, Адлер, Ситрин и Шевенельс. Они трусливо болтают о «судебных гарантиях». Советский суд является единственным в мире справедливым и независимым от буржуазии судом, опирающимся на законы советской страны и выражающим мнение и волю миллионов трудящихся СССР. Де-Брукер, Адлер, Ситрин и Шевенельс ходатайствуют о разрешении подсудимым террористам иметь защитников. Но всему миру известно, что обвиняемым террористам было предложено взять защитников, но они сами от защитников отказались. Изощренные в обмане, прожженные лицемеры считали, что они смогут защищать себя лучше любых адвокатов.

Защитниками этих агентов германского фашизма, адвокатами предателей и убийц выступают сейчас Де-Брукер, Адлер, Ситрин и Шевенельс. Они осмеливаются диктовать свою процедуру советскому суду. Они дерзают ограничивать права Верховного суда СССР. Они настаивают, чтобы убийцам вождей рабочего класса и советского государства не были вынесены смертные приговоры. Они стремятся создать атмосферу безнаказанности вокруг убийц—агентов Гестапо, подосланных Троцким.

Свою демонстрацию солидарности с троцкистско-зиновьевскими террористами Де-Брукер, Адлер, Ситрин и Шевенельс пытаются прикрыть отвратительным лицемерием. Они ссылаются на единство мирового рабочего класса в его чувствах солидарности с испанскими рабочими.

Да, рабочие всего мира едины сейчас в чувствах солидарности с трудящимися Испании, борющимися против испанских фашистов, поддерживаемых и вооружаемых германским и итальянским фашизмом. Но что общего между солидарностью трудящихся всего мира с испанскими рабочими, борющимися против фашизма и подлым выступлением четырех презренных адвокатов из II интернационала в защиту фашистских террористов, агентов Гестапо?!

Трудящиеся СССР, рабочий класс всего мира, все борцы против фашизма, все честные люди на земле заклеймят презрением предательскую выходку Де-Брукера, Адлера, Ситрина и Шевенельса, как демонстрацию их солидарности с врагами СССР, врагами рабочего класса всего мира, как прямую помощь фашизму, его агентам и его наемным убийцам.

ВСЯ СТРАНА ЖДЕТ ОТ ВЕРХОВНОГО СУДА ЕДИНСТВЕННОГО ПРИГОВОРА ФАШИСТСКОЙ БАНДЕ—РАССТРЕЛА!

Расстрел—фашистам!

ТВИЛИСИ (ТИФЛИС), 22 августа. (**Корр. «Правды»**). 650 рабочих шелкоткацкой фабрики с напряженным вниманием слушают обвинительное заключение, подробный список злодеяний террористов-двурушников.

Слово берет ткачиха Етери Мазанашвили. Она говорит:

— Кто изучал историю ленинско-сталинской партии, тот помнит, как на протяжении многих лет Троцкий, Зиновьев и Каменев двурушничали, лгали, тянули партию на путь раскола. Сегодня они являются организаторами и вдохновителями неслыханных предательств, они — бандиты, готовившие удар в сердце партии.

Слово предоставляется мастеру-красильщику Микиртумову:

— Когда 170-миллионный народ,—говорит он,—с благодарностью творцу счастливой жизни обсуждает проект сталинской Конституции, в это время разбитые вдребезги остатки контрреволюционеров готовят удар из-за угла в сердце революции.

В тишине, с огромным вниманием слушает собрание старого рабочего Еремия Имнашвили. Он говорит о тяжелой жизни рабочих при капиталистическом строе, об огромной борьбе и испытаниях, вынесенных партией Ленина—Сталина в борьбе за счастье, радость сегодняшних дней.

— Что можем мы сказать нашему правительству, нашему советскому суду?! — восклицает Имнашвили и тут же твердо говорит: — Расстрелять проклятых фашистов — вот наше рабочее слово.

—о—

Белогвардейские выродки

КИРОВ, 22 августа. (**Корр. «Правды»**). Рабочие, колхозники и советская интеллигенция Кировского края с напряженным вниманием следят за процессом контрреволюционного троцкистско-зиновьевского охвостья. На всех предприятиях города Кирова и края состоялись митинги гнева против презренных предателей родины—Троцкого, Зиновьева, Каменева и их последышей.

Пятитысячный коллектив рабочих Кировского комбината учебно-школьного оборудования в своих резолюциях единогласно требует смести с лица советской земли подлых троцкистско-зиновьевских предателей, поднявших свою террористическую руку на самое дорогое для трудящихся Советского Союза—партию, вождей народа и нашего любимого Сталина. Выражая мнение рабочих комбината, стахановец Шишкин на митинге заявил:

— Трудящиеся Советского Союза под руководством товарища Сталина добились счастливой и радостной жизни. Подлые белогвардейские выродки—троцкистско-зиновьевская банда подняла руку на нашего любимого Сталина. Мы, как один, станем несокрушимой стеной на охрану наших вождей, нашей партии. 5-тысячный коллектив рабочих меховой фабрики города Слободского в своей резолюции пишет:

«Глубоко возмущены предательством презренных белогвардейских выродков Троцкого, Зиновьева, Каменева и их последышей, готовивших террор против руководителей партии и правительства. Требуем от Верховного суда расстрела бандитов».

Ускорить расследование связей Бухарина, Рыкова, Радека, Пятакова с террористами

Завод «Серп и молот», Москва

Рабочие смены кончали работу, но не расходились. Чем ближе к концу суда над фашистско-троцкистской бандой, тем выше и могучей грозный вал пролетарской ненависти к злодеям. Пламя неукротимого гнева полыхает в цехах завода.

— Я, женщина,—говорит Бородкина,—вместе со всем народом требую от пролетарского суда расстрелять эту сволочь! Она достойна смерти только за одну мысль — убить нашего Сталина. Но никогда не удастся это фашистским собакам. Сталин — это мы все. Сталин — это святая любовь к нашей родине, к нашим детям. Пусть живет и живет, и здравствует наш Сталин!

Несмолкающим громом оваций встречают рабочие сталепроволочного цеха слова Бородкиной.

— Цепь преступлений тянется и к Бухарину, Томскому, Рыкову, Пятакову и Радеку,—заявляет рабочий Угреев.—Это те, кто пророчили гибель пролетарской революции. Ведь вчера сам Томский должен был уже признать, что подлая рука тянулась из-под полы от правых к банде Троцкого—Зиновьева. Раскрывается новое гнездо. Мы требуем немедленно расследовать это дело.

— А до того, — говорит инженер Юхвец, — мы требуем немедленно убрать этих двурушников с занимаемых постов.

Единодушно требуют рабочие «Серпа и молота» расстрела троцкистско-зиновьевских бандитов и быстрейшего расследования дела их сообщников.

— Как море, взволнованное штормом, бушует в наших сердцах гнев и проклятье к потерявшим всякий человеческий облик троцкистско-зиновьевским выродкам,—заявляют рабочие мартеновского, прокатного, сталепроволочного и других цехов завода в своей резолюции.

— С глубоким отвращением произносим все мы, серпомолотовцы, имена бандитов, пытавшихся замахнуться на самого дорогого, близкого всему народу человека—товарища Сталина и его соратников. Презрения в наших глазах заслуживают и Бухарин, Томский, Рыков, Радек, Пятаков, которые из-под полы протягивали руку этим мерзавцам.

Люди, которые скрыли от партии свои связи с предателями и изменниками родины, с озверевшими бандитами, не достойны доверия нашей партии. Мы просим прокуратуру ускорить расследование связей Бухарина, Томского, Рыкова, Радека, Пятакова с главарями бандитской шайки.

Никакой пощады изменникам, предателям родины! На скамью подсудимых сообщников фашистских агентов!

УДЕЛ ВСЕХ, КТО ПОДНИМЕТ РУКУ НА ПАРТИЮ ЛЕНИНА—СТАЛИНА

КИЕВ, 22 августа. (**Корр. «Правды»**). Работники Государственного украинского академического ордена Ленина театра оперы и балета собрались на митинг, посвященный судебному процессу над троцкистско-зиновьевской бандой. Непримиримой ненавистью к изменникам родины, глубокой любовью к вождю народов товарищу Сталину дышат речи всех выступающих на митинге. В заключение работники театра обратились с письмом к товарищу Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович! — пишут они. — В истории человечества не было преступлений гнуснее и омерзительнее, чем те, которые замышляли троцкистско-зиновьевские гады по указанию фашиста Троцкого. И это — удел всех, кто вступает в борьбу с ленинско-сталинской партией. Они неминуемо должны скатиться в фашистское болото. Это ярко вскрыто судебным процессом, которым сорвана маска и с правых — Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова — явных двурушников, нашедших общий язык с троцкистско-зиновьевской бандой убийц.

Наш коллектив с нетерпением ждет от суда единственно возможного приговора — расстрела троцкистско-зиновьевской банды.

Любимый товарищ Сталин! Нет таких слов в нашем языке, которыми мы могли бы выразить всю глубину чувства любви и преданности вам, отцу многонационального Советского Союза».

От имени коллектива письмо подписали: орденоносцы — народный артист **М. И. Донец,** народная артистка **Литвиненко-Вольгемут,** народный артист **И. С. Паторжинский,** заслуженный артист **В. Я. Иориш,** заслуженная артистка **О. А. Петрусенко,** заслуженный артист **В. Д. Манзий** и другие.

ВОЛНА НАРОДНОГО ГНЕВА

АРХАНГЕЛЬСК, 22 августа. (**По телеграфу**). Отчеты о процессе троцкистско-зиновьевской банды с волнением читаются и слушаются по радио во всех уголках Севера. У газетных киосков Архангельска и Вологды с раннего утра—очереди, у репродукторов—группы слушателей. Все выше вздымается волна народного гнева. С лесопильных заводов, сплавных речек, колхозов, полярных станций, судов, от арктических экспедиций идут сотни резолюций, писем, индивидуальных телеграмм. Они наполнены жгучей ненавистью к наймитам фашизма и великой любовью к Сталину.

Старый рабочий судоремонтного завода «Красная кузница» Николай Анисимов пишет:

«Не мог без волнения слушать обвинительное заключение и материалы процесса над презренной бандой убийц. Эти люди, особенно Троцкий, памятны нам с давних времен. Это они выдали врагам ленинский план Октябрьского переворота. Это Троцкий позорно сдал Мурманск интервентам и поставил под удар Архангельск. Троцкисты и зиновьевцы продались тем, кто готовит новую интервенцию».

Колхозники артели им. Калинина, Детского района, Коми-области, телеграфируют:

«Требуем высшей меры наказания мерзавцам. Шлем привет отцу колхозников товарищу Сталину, клянемся, что у нас будут из года в год великие сталинские урожаи».

ВОЕННО-ФАШИСТСКИЙ МЯТЕЖ В ИСПАНИИ

Правительственные войска заняли Кордову и Уэску

ПАРИЖ, 22 августа. (ТАСС). Предпринятое правительственными войсками наступление на Кордову, один из крупных *городов на юге Испании, успешно* завершено. Вчера, после штыковой атаки, республиканские части заняли город.

На фронте Ирун—Сан-Себастьян без перемен. Вчера происходила сильная артиллерийская перестрелка в районе Алунда—Пунча. Дорога из Ируна в Сан-Себастьян свободна. Фронт отстоит от Сан-Себастьяна на 15 километров и проходит близ Вильябона.

После ожесточенного боя республиканцы заняли город Уэска.

Дружины республиканской милиции, вышедшие из Каспе в направлении на Сарагоссу, разбили на своем пути отряд мятежников. Часть города Бельчите, занятая мятежниками, была бомбардирована правительственной авиацией. Южнее правительственные войска продолжают окружение города Теруэля. В Каталонии формируется 4-я колонна милиции для отправки на фронт Сарагосы.

На фронте Гвадаррамы отряд республиканцев, находящийся под командованием полковника Мангада и выигравший сражение у Навальпераля, нанес новое поражение мятежникам. У них захвачены 5 орудий, 7 пулеметов, поезд с боеприпасами и винтовками.

В Андалузии республиканцами занят важный стратегический пункт Пособланко.

Картахена, порт на юго-восточном побережье Испании, в руках правительства, *вопреки распространяемым мятежниками* слухам, что там произошел бунт частей местного гарнизона. Правительственный линкор «Хайме-1», поврежденный авиацией мятежников на прошлой неделе, вышел из ремонта и покинул вчера порт Картахену.

ЛОНДОН, 22 августа. (ТАСС). По сообщению специального корреспондента «Дейли телеграф», на Ирун—Сан-Себастьянском фронте мятежники были вынуждены сдать свои позиции в Сан-Мартиале. Корреспондент отмечает острую нехватку горючего у мятежников. Правительственные войска в Ируне получили подкрепление в лице частей рабочей милиции, прибывших из Каталонии.

Вчера правительственными войсками в Хихоне заняты последние здания, в которых еще продолжали держаться мятежники.

Ссылаясь на донесения чрезвычайного уполномоченного правительства на Балеарских островах, агентство Рейтер сообщает из Мадрида, что близ Пальмы была произведена успешная высадка частей народной милиции.

ПАРИЖ, 21 августа. (ТАСС). Из Лиссабона передают, что новая колонна мятежников сейчас формируется в Саламанке.

Заявление испанского премьера

ЛОНДОН, 22 августа. (ТАСС). Председатель испанского совета министров Хираль в беседе с мадридским корреспондентом газеты «Дейли телеграф» заявил, что нет необходимости предпринимать какие-либо действия по поводу инцидента с германским *пароходом «Камерун». По словам* премьера, пароход, который направлялся в Кадикс, был задержан в испанских водах и на нем была обнаружена нефть. Импорт нефти запрещен, и германскому судну было предложено изменить курс.

Затем корреспондент спросил Хираля, сколько времени еще продлится гражданская война. Премьер ответил, что не может этого сказать, но что он ожидает решительных событий в течение ближайших двух или трех недель. Партизанская война, однако, по словам премьера, возможно будет продолжаться в течение многих месяцев.

—o—

ПРИСЯГА БОЙЦОВ НАРОДНОЙ МИЛИЦИИ

Французская газета «Попюлер» в номере от 18 августа помещает полный текст торжественного обещания (присяги), которое дают бойцы испанской народной милиции по окончании курса военного обучения:

«Я, сын народа, гражданин Испанской республики, добровольно принимаю на себя звание бойца народной милиции.

Перед лицом всего испанского народа и правительства республики я обязуюсь защищать до самой смерти демократические свободы, дело прогресса и мира, истребить окончательно фашизм и носить с честью звание бойца милиции.

Я обязуюсь как можно добросовестнее изучать военное дело и хранить доверенное мне оружие, являющееся национальной собственностью.

Я обязуюсь соблюдать и заставлять других соблюдать самую строгую дисциплину, выполнять все приказы командиров.

Я обязуюсь всегда воздерживаться от бесчестных поступков, наказывать тех моих товарищей, которые их совершат, и при всех обстоятельствах вести себя с достоинством и тактом.

Я обязуюсь все свои силы отдать делу республики и ее правительства. Я отдаю мою жизнь моему республиканскому полку и моему народу.

Если по умыслу я отступлю от этого торжественного обещания, да будет моим уделом презрение моих товарищей и да покарает меня беспощадная рука закона».

(Соб. инф. «Правды»).

Во Франции встревожены активностью Германии

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»)

ПАРИЖ, 22 августа. Последние агрессивные выступления Германии — посылка военного флота в испанские воды, дипломатический протест в Мадриде — вызвали во Франции несомненную тревогу. В серьезных политических кругах не сомневаются, что инцидент с пароходом «Камерун» является лишь предлогом и что выступления Берлина диктуются далеко идущими агрессивными планами.

«Ордр» приводит очень интересные слова, принадлежащие, как указывает газета, «очень видному военному лицу, вернувшемуся из длительной поездки по Восточной Европе». Указанное лицо заявило: «Опасен не инцидент, а то состояние духа в Германии, которое этот инцидент обнаруживает».

Солидаризуясь с этим военным лицом, «Ордр» задает следующие вопросы:

«Чего хочет Германия? Чего ищет она? Ничто не оправдывает той внезапной лихорадки, которая охватила Германию, того страстного нетерпения, с которым вся страна, по всей видимости, ждет чего-то. Чего же? Войны?»

Для создавшегося положения характерно, что даже правые газеты, сочувствующие испанским мятежникам, высказывают возрастающее недовольство активностью Германии.

Н. Майорский.

—o—

ПОДРЫВНАЯ РАБОТА ГЕРМАНСКИХ ФАШИСТОВ

ЛОНДОН, 21 августа. (ТАСС). Журнал «Спектэйтор», комментируя опубликованные в английской печати документы, разоблачающие активность германских фашистов в Испании, отмечает, что нет никаких оснований сомневаться в подлинности этих документов. Далее журнал пишет, что разоблачения тщательно организованной фашистами системы шпионажа и тайной полиции весьма важны не просто потому, что они бросают яркий свет на работу германских фашистов в Испании, но и потому, что они дают ясное представление о деятельности фашистов в других странах, в том числе — в Англии.

Итальянский ответ на французское предложение

РИМ, 22 августа. (ТАСС). Агентство Стефани сообщает текст ноты, переданной 21 августа министром иностранных дел Италии Чиано французскому послу в Риме по вопросу о невмешательстве в испанские дела.

В своей ноте Чиано пишет:

«Имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что итальянское правительство берет на себя обязательство в соответствии с пунктами, предложенными французским правительством:

1) Запретить, поскольку это касается правительства, экспорт прямой или косвенный, реэкспорт или транзит, предназначаемый в Испанию, испанские владения или испанскую зону в Марокко, оружия, военного снаряжения и военных материалов, а также самолетов, собранных или разобранных, и военных судов;

2) Применять это запрещение ко всем действующим контрактам;

3) Поддерживать связь с другими заинтересованными государствами в целях взаимного *извещения обо всех* принятых мероприятиях для введения в силу означенной декларации.

Со своей стороны итальянское правительство проведет в жизнь эту декларацию, как только правительства Франции, Англии, Португалии, Германии и СССР также присоединятся к ней. Однако, принимая во внимание, что во французском предложении упоминается также о «косвенном невмешательстве» без определения того, что под этим подразумевается, итальянское правительство оставляет за собой право уточнить, что оно истолковывает «косвенное невмешательство» в том смысле, что в странах, присоединившихся к соглашению, являются недопустимыми публичные сборы денежных средств или отправка добровольцев, предназначаемых для той или другой стороны, участвующей в конфликте».

—o—

35 САМОЛЕТОВ И ОРУЖИЕ ДЛЯ МЯТЕЖНИКОВ

ПАРИЖ, 21 августа. (ТАСС). По сообщению «Юманите», после 16 августа в порты Тирренского моря вышел ряд испанских торговых судов, посланных фашистскими мятежниками за оружием. Эти суда, прикрывающиеся флагом итальянского торгового флота, теперь нагружены оружием. На эти суда также погружено 35 самолетов. Шесть других судов ожидают погрузки. Оружие и снаряжение упакованы в ящики из-под с'естных припасов.

По словам той же газеты, обращает на себя внимание то обстоятельство, что употребляемые мятежниками в Эстремадуре пулеметы принадлежат к типу, применявшемуся *в прежней германской армии.*

Мадрид. Бойцы 3-й роты батальона им. депутатки-коммунистки Пасионарии (5-й полк милиции).
(Из испанской газеты «Мундо обреро»).

Большие маневры чехословацкой армии

ПРАГА, 21 августа. (ТАСС). В Чехословакии начались большие заключительные маневры чехословацкой армии, в которых участвуют войска численностью в 102 тысячи человек. Маневры происходят в Восточной Чехии, в том районе, в котором разыгралась германо-австрийская война в 1866 году.

Вчера в район маневров прибыл президент Чехословакии Бенеш в сопровождении чехословацкого премьера Годжа, заместителя премьера Бехине, министра обороны Махник, членов верховного совета обороны, а также председателей обеих палат, многих депутатов и ряда высших чинов. В район маневров прибыли также военные делегации Советского Союза, Франции, Югославии и Румынии и военные атташе этих стран в Чехословакии.

Газеты отмечают значение маневров, которые являются самыми крупными со времени существования Чехословацкой республики.

«Асахи» о движении за народный фронт в Японии

ТОКИО, 21 августа. (ТАСС). Газета «Асахи» пишет, что первые «ростки движения за создание в Японии народного фронта подавлены полицией»; последняя запретила некоторым японским рабочим организациям выдвинуть лозунг: «Подымайте братский дух помощи испанскому правительству».

Дело в том, пишет «Асахи», что испанские события «оказывают большое влияние на японские рабочие организации», и полицейские власти внимательно следят за мероприятиями по организации в Японии народного фронта.

Организованная Като Кандзю ассоциация «Роно Мусан Киогикай» (Рабоче-крестьянская пролетарская ассоциация), которая в Японии считается «базой движения за создание народного фронта», решила оказать поддержку рабочим организациям, входящим в народный фронт в Испании. С этой целью, продолжает газета, ассоциация через свой печатный орган «Роно Мусан Симбун» обратилась к японским рабочим с просьбой прислать в редакцию письменные ответы на вопрос, «кого поддерживают рабочие—испанское правительство или фашистов». Собранные ответы за поддержку испанского правительства, пишет далее «Асахи», «Роно Мусан Киогикай» намеревалась вместе с ободрительной телеграммой послать испанскому правительству.

Однако, пишет газета, токийская полиция, узнав о начале кампании в пользу испанского правительства, запретила ассоциации «Роно Мусан Киогикай» распространение этого вопросника.

В Москву прилетела французская авиационная делегация

22 августа, в 19 час. 20 минут, в Московском аэропорту опустился трехмоторный моноплан «Девуатин», на котором прибыла французская авиационная делегация.

Делегацию возглавляет председатель авиационной комиссии французской палаты депутатов, член парламента, известный летчик-рекордсмен г-н Боссутро. В составе делегации депутаты парламента: гг. Андро, Арбельтье, Де Клермон-Тоннерр, Кост, Рош, Нодеи, Робль, Теврие, Видман-Гуаран, Иманс, а также представитель французского министерства авиации г-н Люсьен, генеральный секретарь французского авиационного общества «Эр Франс» г-н Бриен и главный инженер этого общества г-н Жарье. Последние двое от Варшавы ехали в Москву поездом.

Самолет пилотировал известный французский летчик-рекордсмен Поль Кодос. Кроме него, экипаж составляют второй пилот Бюрелло, радист Анри и механик Пети. Второй механик Бурж прибудет в Москву поездом.

На Центральном аэродроме делегацию встречали начальник Главного управления гражданского воздушного флота комкор тов. Ткачев, председатель Центрального совета Осоавиахима СССР комкор тов. Эйдеман, чины французского посольства во главе с поверенным в делах г-ном Пайяр, зам. зав. 3-м Западным отделом НКИД тов. Вейнберг, главный инспектор «Аэрофлота» Герой Советского Союза тов. Слепнев, представитель отдела внешних сношений Наркомата обороны майор тов. Кипочицкий, зам. нач. «Аэрофлота» комдив тов. Широкий, начальник авиации Осоавиахима СССР комдив тов. Уваров, председатель правления «Интурист» тов. Курц, начальник московского аэропорта тов. Каминский, а также летчики и парашютисты Центрального аэроклуба им. Косарева. Членам делегации и экипажу были вручены букеты цветов.

В беседе с представителями печати г-н Боссутро сообщил, что самолет вылетел 20 августа в 12 час. 30 мин. по маршруту *Париж—Страсбург—Прага*, где он остался на ночевку. На второй день 21 августа самолет совершил перелет из Праги в Варшаву и 22 августа вылетел из Варшавы в Москву через Великие Луки без посадки. Г-н Боссутро выразил благодарность за дружественную встречу, оказанную делегации в Москве. (ТАСС).

Воздушные маневры в Германии

БЕРЛИН, 21 августа. (ТАСС). «Дейче вербайтреге» помещает очерк о состоявшихся на-днях в Средней Германии воздушных маневрах. «Дейче вербайтреге» пишет, что это «самые крупные до сих пор в Германии воздушные маневры при одновременном осуществлении гражданской противовоздушной обороны».

Маневры происходили на громадной территории—от побережья Северного моря до Альп на юге, от городов Нордгейм, Кассель, Фульда, Бамберг на западе до Хемница, Луккенвальде, Штеттина на востоке.

Тема маневров следующая: «Военные действия происходили между красным — восточным государством, голубым — центральным государством и зеленым — западным государством. Задача красных воздушных сил состояла в том, чтобы внезапно атаковать из Гроссенгейна и Финстервальде (в Саксонии) голубое государство, перелететь его территорию, снизиться в союзном зеленом государстве и оттуда снова напасть на голубых.

Во время хода маневров условной воздушной бомбардировке подвергались город и аэродром в Галле и крупнейшие химические заводы в Леуне. В результате маневров обнаружилось, что «налицо была опасность для города Леуны и что вражеские бомбы могут достичь своей цели».

НАЗНАЧЕНИЕ НОВОГО ЭСТОНСКОГО ПОСЛАННИКА В МОСКВЕ

ТАЛЛИН, 21 августа. (ТАСС). Эстонское телеграфное агентство сообщает: «Глава *эстонского государства Пятс* назначил Аугуста Траксмаа эстонским посланником в Москву с 1 сентября с. г.».

В ЦИК Союза ССР

✻ Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР удовлетворил ходатайство рабочих, инженеров, техников и служащих Бочкановского завода сельскохозяйственных машин и московских общественных организаций о присвоении Бочкановскому заводу сельскохозяйственных машин имени тов. Ворошилова К. Е.

✻ ЦИК СССР удовлетворил также просьбу ленинградских общественных организаций о присвоении имени А. М. Горького типографии «Печатный двор» и Боровичской школе № 1.

✻ Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР снял судимость с главного энергетика Магнитогорского металлургического комбината инженера Тихомирова И. Г.

Оплата труда шоферов на возке сахарной свеклы

Народный комиссар земледелия СССР т. М. А. Чернов установил порядок оплаты шоферов МТС и совхозов на возке сахарной свеклы, работающих на тягачах с прицепными тележками.

Дневная норма выработки шофера на возке свеклы, работающего на тягаче с двумя 2-тонными прицепами, как на полуторатонном грузовике, определяется в 75 тонно-километров; для шоферов, работающих на тягаче с одним двухтонным прицепом,—40 тонно-километров; для шоферов, работающих на тягаче с одним трехтонным прицепом, устанавливается дневная норма в 65 тонно-километров.

За каждый выработанный на возке свеклы тонно-километр шоферам, работающим на тягаче с двумя прицепами, выплачивается 20 коп. Шофера, работающие на тягаче с одним трехтонным прицепом, получают за каждый выработанный тонно-километр 20 коп., а работающие на тягаче с одним 2-тонным прицепом—30 коп. (ТАСС).

Турнир в Ноттингэме

11-й ТУР

БОТВИННИК ВЫШЕЛ НА ПЕРВОЕ МЕСТО

Вчера в Ноттингэме игрался 11-й тур. До перерыва закончились следующие партии:

Капабланка — Эйве сыграли вничью, Ржешевский выиграл у Ласкера, Алехин — у Александера, Флор — у Винтера.

После перерыва Ботвинник выиграл на 69-м ходу у Томаса, Тартаковер — Файн сыграли вничью, партия Тэйлор—Видмар отложена с лишней пешкой у Тэйлора.

Доигрывавшаяся партия Алехин—Эйве (из 9-го тура) вновь отложена в выигрышном положении для Алехина.

После 11 туров на первое место вышел Ботвинник: $+7\frac{1}{2}$ из 10.

* * *

Сегодня свободный от игры день.

ВЫПУСК АВТОМАШИН ЗА 21 АВГУСТА

	План в штуках	Выпущено	% плана
Автомашин грузовых (ЗИС) — директор тов. Лихачев.	194	155	79,9
Автомашин грузовых (ГАЗ)—врид. директора тов. Дыбец	352	361	102,6
Автомашин легковых «М-1» (ГАЗ).	50	7	14,0

МЕТАЛЛ ЗА 20 АВГУСТА

(в тысячах тонн)

	План.	Выпуск.	% плана.
ЧУГУН	41,3	39,6	95,8
СТАЛЬ	46,2	43,7	94,7
ПРОКАТ	36,0	34,7	96,4

УГОЛЬ ЗА 20 АВГУСТА

(в тысячах тонн)

	План.	Добыто.	% плана.
ПО СОЮЗУ	366,7	327,0	89,2
ПО ДОНБАССУ	222,9	195,3	87,6

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

21 августа

Дороги.	Начальники дорог.	Процент выполнения плана погрузки.	Процент выполнения плана разгрузки.	Процент обеспечения выгрузки вагонами.
Казанская	Базеев	109	96	97
Ленинская	Кучмин	102	89	108
Калининская	Торопченов	101	97	108
Закавказская	Розенцвейг	104	100	124
Красноярская	Мирокий	175	170	108
Восточносибир.	Крехмаль	110	107	125
Донецкая	Левченко	94	82	93
Северная	Федан	107	95	100
Омская	Фуфрянский	97	96	83
Горьковская	Бадышев	105	107	120
Кировская	Ледини	98	113	102
Амурская	Рутенбург	182	168	145
Им. Молотова	Друскис	194	174	153
Томская	Вальян	98	112	89
Сталинская	Трестар	92	82	100
Сталинградская	Гродис	101	83	97
Им. Ворошилова	Дашко	90	91	97
Белорусская	Владимирский	98	86	106
Им. Кагановича	Шахгильдян	97	101	105
Юго-Восточная	Арнольдов	120	123	127
Южно-Уральск.	Калеев	106	101	109
Ашхабадская	Ермаков	112	150	145
Северокавказ.	Моженкий	97	81	102
Ярославская	[illegible]	109	99	125
Одесская	Суслин	83	85	90
Ряз.-Уральск.	Кактарадзе	103	82	118
Западная	Руснак	105	97	124
Октябрьская	Силов	100	89	105
М.-Окружная	Фалеев	117	103	138
Туркснб	Михайленко	179	83	141
М.-Киевская	Жуков	78	97	119
Ташкентская	Прокофьев	107	77	145
Оренбургская	Подшивалин	86	109	148
Дальневосточн.	Лемберг	113	91	151
Им. Куйбышева	Копылкин	91	69	143
Москва—Донб.	Емшанов	118	115	172
Южная	Шушков	101	81	125
Юго-Западная	Зорин	95	94	109
Им. Дзержинск.	Амосов	107	108	141

Погружено всего 91.083 ваг. 101,2 проц.
Разгружено » 87.721 » 96,4 »

Долорес на фронте

(По телеграфу от специального корреспондента «Правды»)

НАВАЛЬПЕРАЛЬ, 21 августа. Горную цепь Сиерра Гвадаррама уже прозвали испанским Верденом. Для здешнего положения это никак не преувеличение.

В 50 километрах от столицы, в сложном нагромождении скал, ущелий, леса, вот уже второй месяц идет напряженная, сосредоточенная борьба.

Ни разу не было здесь по-настоящему так называемого затишья. Обе воюющие стороны тесно сцепились друг с другом. Ничтожный промах, зевок—и враг прорвется в мадридскую котловину, схватит за горло правительство, республику.

Каждый день от раннего утра до поздней ночи стократное эхо разносит по ущельям канонаду. Орудий с обеих сторон не так уж много, но горная акустика создает фантастический, поистине адский грохот.

Каждый день от раннего утра до поздней ночи маленькие группы людей крадутся по склонам, ползают по каменным откосам, стараясь обойти, отрезать, подкараулить друг друга, захватить еще одну скалу, еще один пригорок, держать под огнем еще одну ложбинку.

И каждый день от раннего утра до поздней ночи на всех боевых участках, во всех направлениях появляется высокая женщина с непокрытой головой, то величественно строгая и гневная, то задорно, по-детски веселая и трогательная.

По всей Испании—и на землях, занятых мятежниками тоже,—по всей Испании знают эту женщину. Здесь, на Сиерре, каждый солдат с гордостью говорит, что знаком с ней лично.

Долорес Ибаррури, прозванная неистовой («Пасионария»), дочь народа, вчера простая неграмотная работница, сегодня—один из вождей испанской компартии и влиятельнейших, популярнейших людей в стране. Растущий и крепнущий авторитет и популярность испанских коммунистов, доверие народа к их лозунгам и действиям — это вместе с тем успех таких людей, как Хосе Диас и Долорес Ибаррури, воспитанных рабочим движением и партией.

Все и вся расступается при появлении Долорес в военной зоне. Эта женщина не занимает никакого официального поста, но каждый государственный деятель считает за благо быть почтительным и любезным с этой простой испанкой в черном домашнем платье. Каждый командир старается заполучить ее на свой участок как лучший подарок для бойцов.

Сегодня на Гвадарраме большое оживление и под'ем. Правительственные войска наступают в трех направлениях. Они стремятся расширить вчерашний успех колонны командира Мангада, сбросить мятежников с ближайшего рубежа. Противник отвечает ожесточенным орудийным и пулеметным огнем—по дорогам и тропинкам трудно и рискованно двигаться. Два правительственных бомбардировщика делают круги над Сиеррой, подстерегая пополнения и транспорты со снарядами. Фашистский истребитель вьется вокруг них, пробуя остановить. На фоне облака воздушный бой виден четко, как на экране.

Солдаты и командиры убеждают Долорес не перебегать дорогу туда и обратно. Да и шрапнель визжит сама по себе убедительно. Но Долорес не хочет слушать:

— Чем я хуже вас. Ладно, в другой раз приеду с зонтиком, тогда на меня ничего не будет капать сверху.

Она обходит каждый разрушенный домик, беседует с каждым солдатом и офицером, подолгу допрашивает пленных, выуживает из них самые мелкие и вместе с тем ценные подробности положения у мятежников. Скандалит с ротными поварами по поводу качества обедов. Узнав, что в одной части второй день нет овощей, соединяется по полевому телефону с какими-то организациями и раздобывает грузовик дынь и томатов.

Она стремится все вперед, вперед, к линии огня—и вот уже кончились все дороги и тропинки, надо ползти по раскаленному солнцем камню в колючем шиповнике к самым выдвинутым боевым точкам.

Под обломком скалы устроился взвод. Отсюда он прорыл себе открытый ход к блиндажу. Блиндаж устроен из мелкого камня и мешков с песком. В начале и в конце подземного хода солдаты сделали шуточные надписи: «Метро Мадрид—Сарагосса».

Солдаты и командиры в восторге от прихода Долорес.

— Как вы сюда пробрались? Ведь сюда ходят только ночью! Вот так женщина—недаром тебя прозвали неистовой!

Подползли к блиндажу. Вот он. Отсюда ясно видны блиндажи мятежников—каких-нибудь 200 шагов.

Весь взвод набился в это крохотное гнездо. Бойцы облепляют Долорес со всех сторон—обгорелые от солнца, обросшие, частью перевязанные. Тормошат ее, окликают сразу со всех сторон.

— Долорес, выпей из моей кружки.

— Нет, из моей.

— Долорес, возьми письмо для моей матери.

— Долорес, посмотри мои раны, они почти зажили за эти два дня.

— Долорес, я тебе дарю на память мой шарф.

— Долорес, попробуй мой пулемет,—что за дивная машина.

Долорес пьет из кружек, она берет письма, она щупает раны, она надевает солдатский шарф, она прижимается своей черной с проседью головой к пулемету и выпускает *короткую очередь.*

Фашисты отвечают густым и яростным огнем. Им давно уже не понравились возня и оживление в блиндаже.

— Вот видишь, Долорес, мы тебя вовлекли в невыгодное дело.

— Наоборот, это я накликала на вас такой проливной дождь.

Тесно сгрудившись, солдаты слушают простые, но обжигающие слова Долорес.

— Ведь я, как и вы, простая испанка, не из благородных. И муж мой—рабочий, горняк... Но мы все, простые люди, будем драться до конца за свободную счастливую народную Испанию, против генеральской иезуитской фашистской клики... Вы храбрые ребята, я знаю, но одной храбрости мало. Надо ясно сознавать, против кого борешься, в кого стреляешь.

— Мы стреляем в наше проклятое, страшное прошлое, в Испанию Бурбонов и Примо де Ривера, которая пробует вернуться и задушить нас. Пусть враг не просит у нас милости... От нашей победы зависит очень многое. Нас поддерживает демократия всего мира. Надеяться мы должны прежде всего на свое оружие, потому что наших врагов поддерживает мировой фашизм... Никто никогда не мог победить народ, который борется за свою свободу. Можно превратить Испанию в кучу развалин, но нельзя превратить испанцев в рабов.

— Вы говорите, у вас мало снарядов,—а чем боролись русские рабочие и крестьяне против белогвардейцев и иностранных завоевателей? Они захватывали боеприпасы у противника...

— Недолго пройдет, и наше дело победит. Знамя свободной демократической республики будет реять над всей Гвадаррамой, над мавританскими минаретами Кордовы, над башнями Севильи.

Она делает паузу, лукаво прихорашивается и просит:

— Если хотите оказать большую честь — назовите ваш взвод моим именем.

Бойцы согласны.

— Конечно... Если ты не боишься, что мы тебя осрамим.

Мятежники все упражняются в стрельбе по окопу, а Долорес рассказывает, какие успехи делает испанская женщина, входя все больше во все области политической и общественной жизни. Она совсем загорается, перейдя на свою самую любимую тему — о женщине, семье и ребенке в Советском Союзе...

...Долорес осматривает взвод с достоинством и гордостью. Солдаты подают Долорес букет. Это букет не из магазина. Цветы собраны на склонах скалистых гор, под фашистским огнем.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и ИЗД-ВА: Москва, 40, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочное бюро — Д 3-15-68; Партийный — Д 3-10-86; Сов. строит. и Кр. Армии — Д 3-10-64; Сельскохоз. — Д 3-10-85; Промышленность и транспорт — Д 3-11-04; Торгово-финансовый — Д 3-10-84; Иностранный — Д 3-11-09; Информация — Д 3-15-80; Письма рабоч. и колхоз. — Д 3-10-80; Обзоры печати — Д 3-30-72; Школа, наука и быт — Д 3-10-65; Искусства — Д 3-11-06; Местная сеть — Д 3-18-47; Фельетоны — Д 3-33-65; Критика и библиогр. — Д 3-11-07; Иллюстрационный — Д 3-33-85; Секретариат редакции — Д 3-15-64; Корреспондент. бюро — Д 3-15-69; Отдел об'явлений — Д 3-30-12. О недоставке газеты в срок сообщать по телефонам Д 3-30-61 или Д 3-32-44.

Уполномоченный Главлита № В—46369. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 718.